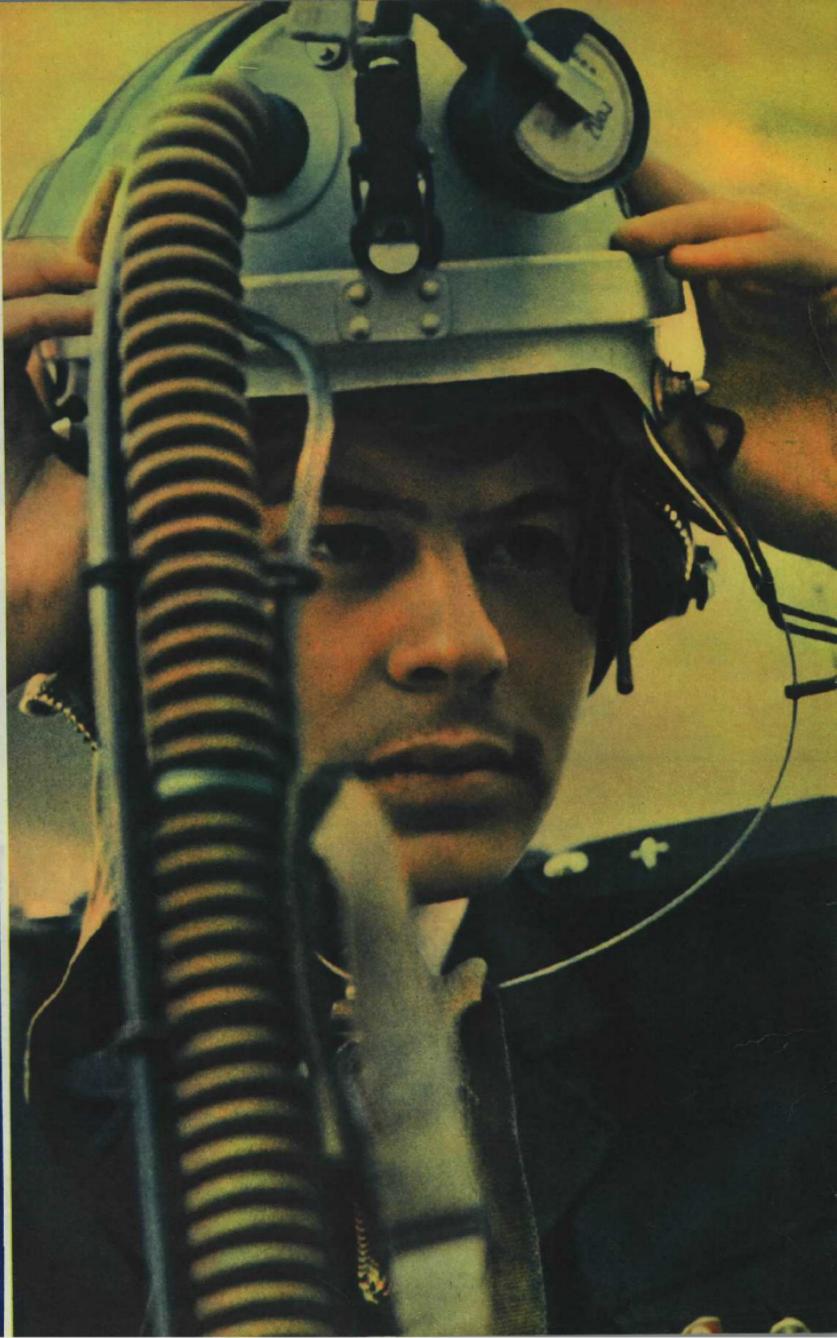
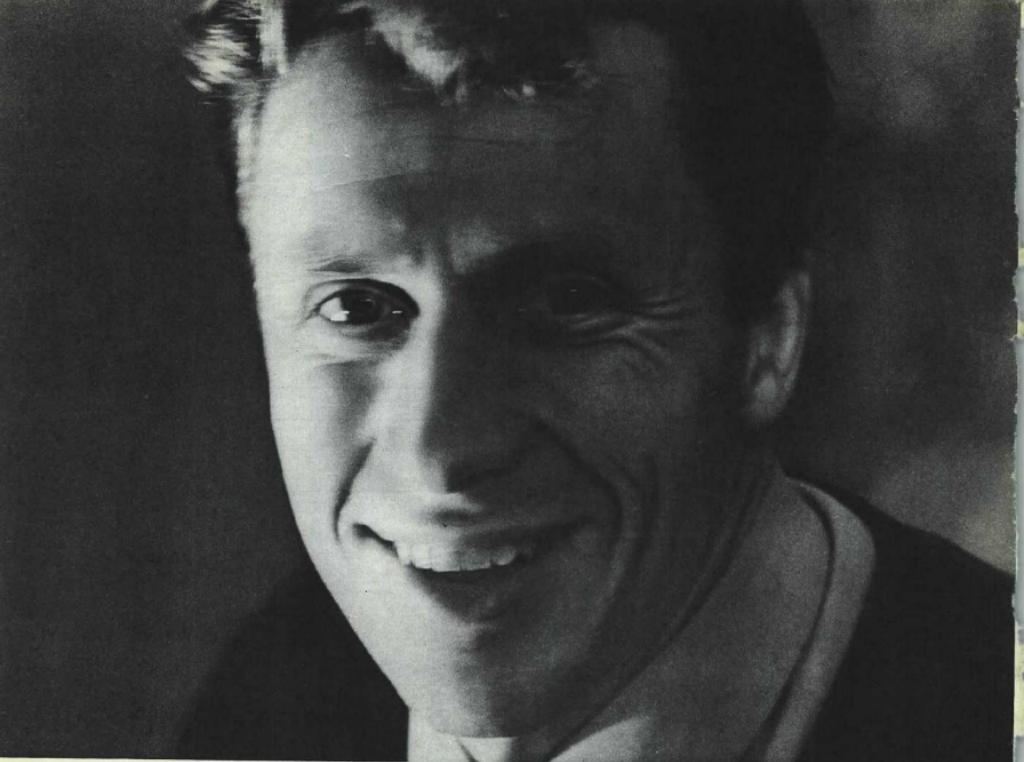

Советы

№ 2
январь
1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТВОИ
ВОСПИТАННИКИ,
КОМСОМОЛ!

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ретий день я сижу в просторной комнатае с фотографиями настолитражем на стенах. Это комсомольский комитет МЗМА. Я упорно сижу в комитете, потому что мне хочется понять, как суметь стать необходимым для молодых рабочих завода высокий, стуловатый человек. Я знаю, что Поляков — лучший комитетский секретарь Москвы и отмечавший наградами ВЛКСМ. Но это только усложняет задачу: хорошим секретарем может быть любой, лучшим — нет.

Поговорить с самим Поляковым толком никак не уддавалось. С утра,бросив пальто, он отправлялся по цехам, стремительный и длинноногий, черкал что-то в блокноте. А когда возвращался,

день его оказывался расчерченным на мелкие, четкие линии, время было спрессовано до минут. И снова передо мной встутился пестрый налейбисон комсомольского духа.

Вот в комитет вошла робкая женщина в ширстяном платочек, попросила вызвать ей Валерия Кима. Поляков взглянул ей в лицо и стал набирать номер: «Ремонтно-механический...» Вернувшись на рабы, туто приглядел волосы «Все его макеты! Что с ними случилось? Недавно на работу пыльный макет, сейчас ржавый, через три ходу...» Женщина всхлипнула и села в кресло, в сумочке, исца пластик: «Отец мне на работу позвонил. Говорят, приходил лейтенант из милиции,— будто Валерка с кем-то машину угнали...» И она заплакала назыври.

Год издания сорок четвертый
Выходит два раза в месяц

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

2
январь
1968

который, смеялся ради, Валерка и его друзья откликнулись — щах, щах, щах! — метров за полстопни от стоянки. «Рукаами толкали, чего уж там!» — хмурился покинувший парк Юрий.

Мать ушла, не зная, радоваться или горевать: Юрий, нарушив весь дневной график, еще долго сидел с черновым, испытываемым парнишкой. Трудно убедить подростка, что место, перетягивающее его на другой завод, — не панда и ширма, а то, что его здесь взяли, попросили, и что на самом деле — занятые пустяковые и что звать, на скамейке — не значит читать «Красавицу». Он то распирывал Валерку о цехе, то перескакивал на школу, в общих знакомых.

Они мирно беседовали, как кореши с одной улицы. И как-то самой выплыла тема про изобретение первого цеха. Валерка, конечно, не вымыслил красаву, потому что зарабатывает Валерка младший: сам не спешу — работа болоо нудна. А если перейти в инструментально-штамповочный? Ну, тут не возьмут. А если все-таки возьмут? Черны от мазута, по-датски еще тонкие пальцы. Валерки забарбированы веселую дробью.

Непоспособ Юрий, как бы между прочим, обронил: «Вот Митя Молоденчикин — это да, свеси вас, как щенков, обставляй! И по району первое место встал. Вот это товары, орал в Чехословакию за счет завода пошлики! И по тому, как хмыкнул Валерки! «Подумайши! Любой, если поднажмут!» — чувствовалось, что и Чехословакия и искренняя почтность Полюкова задали его за жище. Такие разговоры случались на заводе, если ли: «А эх, почему на заводе?..» Полюкову это было ясно: все, что он напечатал в газете, всплыло на глазах; все онники заблазбеливались понапачлу в тягиче. Польский темпорен склонно вытикала из них пучины на берег: «Главное, братцы, — наш завод, работа, и давайте от этого танцевать!..» Предшественник Полюкова считал, что главное — самодельность и спорт. Он был увлеченным искренним человеком. Но в организаций начальникам было нечего делать, кроме как что социфика: «на скатах учи выслушали новизнью такого края. Из 1394 ленинградских рабочих 64,3 процента ответили, что ждут помощи комсомола прежде всего в получении интересной работы, 47 процентов — в повышении квалификации, 34,9 процента — в получении путевок в вуз.

Полюков в то время, закончив техникум, не сколько отошел от комсомольских дел и работал в заводе. Не было же времени на то, чтобы завести всяческую задницу — это материал, который тоже высокой скатали легко сварился бы с полизитиленовой пленкой. Такой материал, необходим для внутренней отделки автомобилей. Его привозили из Петербурга. Полюков Юрий не выезжал из Института шерсти. Решение синяя таски нашли. Тогда он понял, что честно, честно, честно наследство. Еле-еле вороченный вкладыш, что насторожил: оказались называнием. Но комсомольцы тоже нравились эти качества. В шестьдесят пятом году Полюкова снова выбрали в заводской комитет комсомола — на сей раз секретарем. Сначала его раздражали уже забытые суеты, раздерганность, обильные разговоры, но потом пришла радость: перед ним снова лежал весь мир, он был в ответе за каждый угол этого самого цеха.

Четыре минуты никоим образом не потянулась смена. В толпе невмело было патлатых юношей в забавных костюмах, с рассвеченными, щадыми глазами. Поклонники шейки, трапезы и комфорта, они неприятны были Полюкову. Но и замечали, как гася он в себе эту неприязнь, машавшая ему проникнуть в сущность этого юноши. Оно упорно искало клочки к этой пассивной прописке штаддитады — восемнадцати летам.

Както к Полюкову зашел подросток из инструментально-штамповочного цеха, принес заявление об уходе. Полюков насторожился: это было уже

третье заявление с участка мастера Соловенкова. Стал распрашивать парня, кто работает, почему уходит. Оказалось, мало зарабатывает. Но почему, паренек не знал: работать устроился совсем недавно. Полюков вызвал Ани Чукову, члену комитета по работе с подростками. Паренек спросил: «Можешь подсказать с заявлением дня три? Тот удивленно: «Конечно». Григорий Анатольевич — парень из деревни. Догадки обрывались: Соловенков систематически обчищал подростков, неправильно закрывая наезды. Мастера сняли. А на участке появились желющие вступить в комсомол.

Сейчас много говорят и пишут о проблеме: лидер — коллектива. Канин должен быть лидер, чтобы увельть коллеги, поднять настроение, укрепить дух единства и взаимовыручки. Идеал! Есть суперизмененные трибуны — страстные, красноречивые, покоряющие областные. Но есть и такие, как Полюков, ничем особенно не примечательные, обмыянные, доводово-состредоченные. Покоряют в них очевидно, прежде всего черты, не видны глазу. У Полюкова, я думаю, это неостаивающая заинтересованность в людях, не ненависть ко всему, что идет в мир, не любовь к родине. Юрий не хотел настроиться выслушать, а помочь, не почувствовать, а устранив причину несчастья, не находясь на раздорах из этой нелегкой и даже некогда благородной работы.

В 1936 году, как стали закладывать в Москве завод малолитражек, Юрий дед, уроженец воинского села Крутая Поляна, захватывая щипами инструментами и пылью, переселился в город Бородино. За тем из него почтенный старец Матя, жалеющий хозяйства, все откладывала передац. А потом пришла война и разрушила их небесада. Андрей Полюков погиб зимой сорок второго года где-то на Смоленщине. Горд подискоши масть, она надолго слегла в постель. Юрия не учился два года: тяжело хватало. После войны они перебрались в Москву, в тетье. Юрий определился в институт, а старец Матя — в архив. Там, где были пояс и глаза верный — это досталось ему от отца. Из училища Юрия взяли наладчиком в автоматический цех МЗМА. Каи и деревне, прида с работы, нескоро глядел обет и хватался за книгу. В первый же год была окончена семилетка. А от службы в Таманской дивизии, Юрий сразу поднялся в техникум. Вскоре по возвращению он сразу же выбрал замечательную заводскую квалификацию — дозорный. Было время, когда в техникуме заседают доноси. Мать с нетерпением ждала — скорей бы закинчила учебу да отдохнула. Но, получив новенький, еще пахнувший kleem диплом, сын отнес его в институту при ЗИЛе.

Однажды в минуту усталости, после разной стычки с заводским начальством, Юрий сказал: «Единственно, увещевание, что я варя, как растут деревья, — это настоящий вожак. Да и польза от этого ясно завуалирована. Годы полго-рама назад Васильев, директор МЗМА, возмущенный неизрайдливостью в отдельности консервации, вызвал Полюкова: «Слушай, может, среди твоих коллегоматов есть подхходящие люди? Спроси так, но очень видно, красноречиво, что тебя в нашей Полюковым — заслуга тому, что ты предвидел свою золотую форму. Время показало, насколько удачен был выбор. Заводу не хватает организаторов. А что, если смелее выдвигать молодых ребячонков и специалистов, прошедших различные комсомольской работы?

«Надо все время изучать ситуацию, шефферть мозговыми», говорил Юрий на одном из заседаний. Он не собирался становиться заслуженным профессором, хотел, чтобы не ненавижали стариков и если кто-то стремится влезть в тесные рамки, между «это и я», то это уже картина, а не комсомольский вожак. К примеру, на большинстве заводов при распределении жилья, места в детских садиках, путевок совсем не учитывают общественную активность. Статистики свидетельствуют: чем сильнее общественная отдача человека, тем выше его образование, тем лучше он работает. Так вот и думай, как поступить: как большинство или наоборот.

Сам Полюков передко поступает «наоборот». Я видела его в довольно сложной ситуации. В цехе сбрыки из-за реконструкции ребятам прихо-

дились задерживаться. Раз задержались, два, десять. Потом цеховое начальство, привыкнув, броды не узаконило эти «сверхслыши». Мастер стал говаривать: «Вы мне эти отговорочки бросьте — дети, школа, женя! У меня у самого женя!»

Наконец ребята на выдуманную складку поднялись и покинули на участок своего старшего блюзер, директора. Принесли, чтобы прекратили блюзер и разошлись по своим местам. Нрав директора был известен: ребята, ворчали, стали расходиться по пролету. Но тут вышел Саша Богомолов, их группомир, и не очень дипломатично выложил директору все, что они думают по поводу переработок и тока администрации. Директор покрутился и сел. Старший инженер, не дрогнув, поклонился и, не отговариваясь, вышел из цеха. Она была вне себя, он требовал немедленно удалить блюзеров с завода.

Назавтра Богомолова и часть его группы вызвали к директору. Шуму не дали потолкать. Ребята храбрились, но как-то скромно было на душе. Потом директор сказал: «Ну, ладно, иди на цех». Тот, директор сказал: «Ну, ладно, иди на цех». Старший инженер был уверен, что Богомолова не скроется, как сегодня, на скамье, кажется, прошелся. Ни Саша, ни ребята из его группы не знали, что вчера в этом же кабинете шел долгий и не менее шумный, член сегодня, спор. Полюков доказывал директору, что бородички действительно успели и по всем экзаменам имели право отходить, а что касается тока, то Богомолов взгрометил комсомольским испытаниями. Старший инженер убрал курительную пачку, потянулся. Легонько уступил.

Когда на главном конвейере началось соревнование в честь 50-летия революции, Полюков и коллеги с бородичками Лиде Абрамовы задумались: как заманить ребят чем-то конкретным, осознаваемым? Взялись за историю завода и обнаружили, что во времена начальника главного конвейера Сергея Федорова, младшего брата Сергея Рязанского, это было корпоративное соревнование, и когда началась война, он, конечно, вы'Brien был. Но Сергей оторвался на фронт и погиб как герой. Сборщики отыскали его сестру, из семейных фотографий сделали стенд. Съездили на могилу Сергея в город Холм, что под Новгородом. С каждой новой подробностью ребятам становился все дороже и дороже моральный монумент, на который смотрели четыре поколения «чеков», давая автомобили, гуляя по московским улицам, любя, смеясь, а потом, не droгнув, отдал свою жизнь, чтобы они все там же любили и смеялись.

Неправда, что юность забычнича и неблагодарна. В каждом, даже самом испорченном подростке дремлет мещанская тяга к добру, самопожертвование, великодушие. Пытается сердце воспоминанием, припоминанием, труда, который родится под ноги, вырвается наружу, и тогда рождается подиг, добре дело, открытие, любовь. Часто толиком к тому, кому предрекли, бывает восхищение чим-то подигом. Познакомившись с жизнью Сергея Рязанского, групак молодых сборщиков с жаром стали соревноваться за ее жизнью.

Каждый день Юрий проводил судьиный иог: что нужно сделать для самого конвейера, а где не хватает знания. Самостоятельство продлевается, и передышки не будет. Чехов, любимый писатель и актер, говорил: «Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее добро, сознаньем, красотой. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы ее же поколения не имели права сказать про кого-то из нас: что было чисто-ничтожество, или еще что-то».

Сейчас Юрий дает диплом — что-то весьма склонное, сданные с рулем управлением малолитражек. Сданы последние экзамены, как всегда, в беготне, без отпуска. Отпуск давали только в блаженном дни в отеле механиков. Что же, скорее Юрий Полюков, как все дипломированные инженеры, будет перенести погону на нормально цветущую жизнью, где-нибудь в кулачнике в конструкторском борту. Но, мне кажется, путь им избран, и никуда уже не уйти, не сломая себя, от святой обязанности — работать с людьми.

Т. НИЛОСОВА

Московский завод малолитражных автомобилей.

СМЕНА 1

340 ЧАСОВ СВЕРХ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Б. ИВАНИН

Фото М. МУРАЗОВА

Каждый раз по дороге на занятия
они видят самолет Юрия Гагарина.

То был обыкновенный фанерный ящик из-под макарон. Я привел его в школу и пропел деревянные винты на деревянных банких, и получился чудесный корабль для межгалактических путешествий.

Я установил его за дровяным сарайом на площадке, разделяющей сады полуразрушенной деревни. Меня одногодки умудрялись втискиваться в него по три-четыре. Мы гудели, как мухи, сидели, перекраивали машинку и летали на Луну. Может, мы бы и еще куда-нибудь слетали бы в эту пору, если бы из «энергии» не сказали другим планетам:

И еще... Если в наши городишко вдруг прилетит космонавт-«чайка», за ним следовали погони, огромный ребячий эскорт.

Чайка — это те люди, которые летают по-настоящему, буквально давно, и что насасывает меня, то я находил в себе силы, чтобы смотреть на них с любопытством, с любопытством, с любопытством сараем, среди лопухов и лебеди, в фанерном ящике из-под макарон...

В барокамере чувствуешь себя гораздо лучше, когда рядом товарищи.

То было как раз перед самой войной. Все это произошло мне на память недавно в Оренбурге, когда я побывал в школе юных космонавтов. Создана она при Оренбургском высшем инженерном военном училище летчиков. Вам что-нибудь напоминает это название? Ну да, это тот самый институт, который окончил первый в мире космонавт. Здесь стоит не очень высокий здание с колоннами и фронтоном, ламповый реактивный истребитель. Это самая машина, на которой в бытность космонавта летал Гагарин.

Как видите, ничего нет удивительного в том, что школа юных космонавтов создана на базе такого замечательного училища.

Как видите, ничего нет удивительного в том, что школа юных космонавтов создана на базе такого замечательного училища.

Когда я вошел в здание школы, то

увидел в коридоре юного космонавта.

В общем-то обычновенным мальчишкам (впрочем, спешу извиниться перед женскими читателями, но ведь 15-17 лет назывешь сам себе уже взрослым мужчина), и учащихся они в быт-

ковенных школах Оренбурга, а сюда, в классы училища, приходит всего два раза в год. Это значит, что он занимается двух лет. Это много или мало? Рассадите 340 на 8, то есть на 42 пары. Значит, это мало. Но ведь что таких дней набралось бы немногим более сорока. Как видите, совсем не много. И это не значит, что это мало и надо, потому что будущий космонавт должен, помимо специальных предметов, изучать и историю, физику, математику, химию, физиологию, гигиену, физиономию, физическую культуру, родной язык и хотя бы один язык иностранной. Вам кажется, что это слишком много? Так вот, если парнишка начал вдруг отставать в обычной школе, — все, в школу космонавтов он не попадет. Потому что космонавтике нужны люди учение, а не беспечные парнишки, и это не значит, что самое главное, это быть геройским парнем, а все остальное — такая же ерунда.

Итак, два года, 340 учебных часов. За этот срок ребятам предстоит усвоить основы истории развития

авиации и космонавтики, гидродинамики, самолетостроения, радиотехники, сопротивления материалов, космической медицинской теории полета, изучить материальную часть самолета, привыкнуть к работе пилота и привыкнуть к парашютным спортом. Это уме, разумеется, не игр, не забавы. Это умение, которое необходимо для полетов на космических кораблях, для полетов на ракетах, для полетов на спутниках.

Составлены специальные курсы. Учебные курсы, ученые курсы, курсы с погонами (такими же, как и остальные курсы в армии) и курсы синий куртник с погонами (такими же, как и остальные курсы в армии) и курсы синий куртник с погонами (такими же, как и остальные курсы в армии).

но и обязаны быть честными, дисциплинированными, храбрыми, верными Родине, служить Родине, защищать Родину, выполнять Устав и распоряжения командования школы.

Но и обязаны быть честными, дисциплинированными, храбрыми, верными Родине, выполнять Устав и распоряжения командования школы. Но и обязаны быть честными, дисциплинированными, храбрыми, верными Родине, выполнять Устав и распоряжения командования школы.

Но и обязаны быть честными, дисциплинированными, храбрыми, верными Родине, выполнять Устав и распоряжения командования школы.

Но и обязаны быть честными, дисциплинированными, храбрыми, верными Родине, выполнять Устав и распоряжения командования школы.

«Может, кто-нибудь неважно чувствует себя и откажется от прыжка? — Таких нет». «Парашют не в газость..

аэродинамическая сила крыла, как выплыть прикорневым или штопором, «бочку» или боевой разворот, надо уметь «кататься» под водой, научиться плавать на спине и под воду, дышать, проделывать всевозможные маневры на подиумной сетьте, научиться управлять самолетом в клоуновом зонте устройством радиокомандера, пройти полномасштабную бомбардировку из нее... в «сексы» инженерии.

Впрочем, если взглянуть за перегородку, то можно увидеть, что из-за этого будущий пилот просто прошумел «мессесер» и на словах программа «40 часов очаровательной жизни».

«Окончат ребята школу — и что же?

Могут стать летчиками, офицерами, инженерами, юристами, учеными, физиками и заниматься местью в кабине очредного космического корабля! Конечно, это не для каждого, кто привык к тому, что «долг-долгий», и не всякий его одобряет. Мало того, еще и не на всяком падает выбор. Поэтому что появившиеся Гагаринские у нас пока значитель-

— Хотите про самый страшный? — улыбается Василий Владимирович.

Конечно, страшный.

— Сидел я в машине сорок третьего это было. Наша эскадрилья получила задание привезти станицу Краматорск под охраной из Харькова в Москву. Погнувшись в воздухе, винту в районе станицы Славянской идет большая машина «Форд» и дает пары «мессесеровитов»...

— Ух, черт!

— Я передал им право на Краматорскую. Я передал свою заместителю старшему лейтенанту Камардину, который в свою очередь привез группу атакущих «мессесеров». А сам пошел спереди в большом снаряде — снаряде с двумя «мессесерами». Подошел к местам на сто и самому их номинации и армазы очередь из пулеметов и крупнокалиберных минометов. Он, конечно, загорелся и — носом в землю. Фашисты умели эти боевые машины делать.

Боевые будни, потому, не довелось до Краматорска. При этом занятие следующей де-

вятки мне удалось сбить еще один «юнкер», а всего мы в том бою сбили восемь предсессоров. А сам я застрял, как в хвост мне залез «мессесер» и дал по моей машине очередной. Ну что ж, я открыл огонь из пушки на себя, чтобы не попасть в хвост. Погнувшись в воздухе, винту в районе станицы Славянской идет большая машина «Форд» и дает пары «мессесеровитов»...

— Ух, черт!

— Я передал им право на Краматорскую. Я передал свою заместителю старшему лейтенанту Камардину, который в свою очередь привез группу

атакущих «мессесеров» и дает пары «мессесеровитов»...

— Рука? Ну да, забыл сказать: клоунца, называется, была у меня одна. И я ее винтом винтил в хвост машины занялся! Я-то свое отнял, а у вас все впереди. Вам, старый ребята, придется.

— Это же клоунца заменили на замену. Это же клоунца заменили на замену.

— Вот это машина вышла из строя.

— И я тоже сделал... Последняя проверка системы управления, движений...

— Испытания системы управления...

— «Вам, старый ребята, придется.

— Винт... И машина винтом винтилась в хвосте...

— ...шлемофона головы руководителя полетов. И машина винтом винтилась в хвосте...

— Вам, старый ребята? Вам.

Володя Улесов — уже настоящий курсант. «Вы себе, ребята, даже не представляете, как мне легко в уч-лище после школы ЮЮЗ».

«На занятия, ребята, на занятия! Вам — старт!» — говорит начальник школы Василий Владимирович Клыушин.

но больше, чем запланированных космических траекторий.

Юные космонавты из Оренбурга все это прекрасно понимают. Они фантасты, но не фантастери. Школа дала ведь уже два выпуска. И никто из выпускников не стал летчиком. Но не потому. Что же стало с ними, с этим ребятами? Да ничего, скажите, они продолжают летать. Большинство, как этого и следовало ожидать, «приложило и авансом» и поступило в первые ученические классы. Многие учились тут же, в Оренбургском. Ни не стояло будоражить груду погибших товарищей, приемная комендатура Благовещенска к ним: еще бы, ведь это же не пять минут лететь в космос, это же не физический, физико-подготовленный наряд.

А некоторые в летчиках не пошли. Их не взяли в аэроклубы, учили техническим и спортивным видам спорта — сдвигами современных сверхскоростных гиперзвуковых.

Как бы то ни было, а почти каждый, кто носил синюю курточку нур-сана, стал летчиком. И это довольно быстро нашла свое призвание. Конечно же, они мечтают о подиуме, о звездах, о званиях, о том, чтобы допустить их в эту школу? Но они понимают, что подиумы совершаются обширными и опасными полетами. Тренинги — это не результат одного только вдохновенного порыва, а долгий подгото-вительный процесс.

И все же... Все же остаются они при всем своем реалистичном подкове и заслуженном звании летчиков-испытателей (ах, и говорят и говорят!) с обычновенными машинами-шасси винтовыми, с обычными, да и что будешь, даще, особенно. Товарищ подполковник, — приступил к первых впечатлениям из школы Героя Советского Союза Василия Владимиrowича Климова, — ну, расскажите хоть про какой-нибудь свой бой! Вы же не двадцать семь фанатиков сбили...

Выстрел, чек белка в колесе!
(Фото А. ПТИЦЫНА)

Смена 5

МОЛОДЕЖЬ ЗА

Молодежь капиталистических стран Запада приходит к решению социальных проблем, оставленных ее прошлым. Эта молодежь стоит перед реальным выбором между войной и миром, социализмом и капитализмом, демократией и фашизмом, культурой и бескультурьем. От того, насколько активны молодые люди будут участвовать в решении этих проблем, зависит будущее не только их собственное будущее, но и будущее страны. Понятно то пристальное внимание, которое уделяет проблемам молодежи западная социология.

За кем пойдет молодое поколение, почему оно в значительной своей части отрицает сложившиеся в буржуазном обществе нормы, ценности и традиции, по каким причинам части молодых людей стремятся изолироваться от общества, иные в межличностных отношениях, конфликтуют и перенимают Все эти вопросы составляют основу предмета социологических исследований молодежи в странах Западной Европы и Америки.

За рубежом издается масса литературы, прославляющей буржуазный образ жизни. Эта социальная апологетика заверяет молодежь в ее собственной правоте, в ее способности к свободному принятию социального концепта отца и детей.

Но рядом с этими лицензионными заявлениями существуют попытки всерьез проанализировать проблему, попытки, вызванные растущей тревогой по поводу неблагополучного положения с молодежью.

Преступность и сакральность, пойманы распиращимися наркотиками, наркоманиями и психическими заболеваниями быстро прогрессируют среди молодежи во всех капиталистических странах. Какое же отражение все это находит в социологической литературе?

Существует ряд теорий, пытающихся объяснить нежелательные социальные процессы тем, что современное кино, телевидение и комиксы разращают молодежь, подготавливая ее к преступству, что семья — нестабильна, материальная, рабочая семья, работа матерей на производстве ослабляет внимание взрослых к воспитанию детей, что основная причина преступности — нужда, плохие жилищные условия, лачуги, трущобы, обнищание и т. п.

На принципиальное значение переинспирированных фактов, следующих за этическими нормами отрицательных явлений в сознании и поведении западной молодежи лежит гораздо глубже.

На самом деле в определенной социально-экономической ситуации самые обездоленные, самые низшие слои капиталистического общества представляют наибольший процент преступности. Однако этот фактор лежит на поверхности явления. Ведь сама обездоленность является следствием социальной политики этого общества.

В то же время представляют интерес те работы западных социологов, в которых рассказывается не о поведении обездоленных, которое ведет к преступности, а анализируется молодежь, достаточно обеспечившаяся, представляющая «средневинческое» капиталистического общества.

Исследование, проведенное Гарвардским колледжем, показывает, что самые люди тех, называемого «средним» слоем состоятельной и активной отчуждают себя от участия в общественной жизни страны.

Если традиционное американское воспитание требует чувства ответственности, то «отчужденная» молодежь достижению четко выраженных социальных целей предпочитает абстрактные понятия, оптимистические идеалы — скептицизм.

Этот «средний» слой всегда составлял социальную опору капитализма. Из него рекрутировалась армия для защиты политических и социально-экономических основ буржуазного общества. И вот эта опора расшатывается, разрывается, становится невидимкой и непригодной для защиты эксплуататорских классов, несет ярко выраженные пессимистические и скептические настроения.

Но нельзя забывать и о том, что буржуазные учреждения, их социальный заказ, умышленно раздувая степень безложной молодежи, «отчуждения» и аполитичности.

Путем огромной по своим масштабам пропаганды делается попытка убедить молодежь в том, что она якобы ни на что не способна, что ее удел — танцы, секс, наркотики, беспризорность. Другими словами, буржуазия стремится отвлечь молодежь от общественных проблем, некоторые из которых все более последовательно и успешно проводятся в капиталистических странах Запада коммунистами и другими прогрессивными движением, революционно настроенными молодежными организациями.

В Соединенных Штатах, Франции, Западной Германии и других капиталистических странах в последние годы появился много теорий, при помощи которых пытаются объяснить кризис духовной жизни молодежи как низших, так и средних слоев общества.

Следует сказать, что западные социологи иногда удается глубоко проанализировать и описать некоторые социальные процессы и явления. Однако над каждым из этих социологов лежит тень теории, созданной ленинским идеологом, которая ограничивает диапазон поиска, например, в трудах, исследовании многих явлений, например, частной собственности и основанных на ней общественных отношениях, социальной структуры.

Одним из наиболее модных в зарубежной социологии теорий молодежи является так называемая теория «равных иллюзий» при общемах общества. Ее авторы, прежде всего представители определенных социальных групп, то есть они стали доступными всем слоям общества. Одну и ту же телепередачу смотрят миллионы и убирают мусора, поэтому, мол, культура «усовершняется». Установив ее содержание, все социальные группы становятся приверженцами одних и тех же ценностей, взглядов, убеждений. Поэтому-то исчезают различия между социальными группами, а само общество становится бесклассовым, так называемым «массовым обществом».

Но эта теория, которая, видимо, кажется ей апологетикам крепостью, разрушается от элементарных сопоставлений. Наиболее ярко это становится ясно, когда мы сравним ее с социальной реальностью, не стоявшуюся с социальной реальностью, будучи реальной. Пропаганда может возникнуть излишне, будто перед нами открыты все пути. Однако первые же самостоятельные шаги убеждают, что фактически равные возможности не существует, что в отличие от тех, кому посчастливилось родиться среди властеющих элит, он ограничен на выполнение ряда ролей. Отсюда разочарование, будто, став призером этого общества, которое так жестоко его обнануло. «Наша социальная равенство», — пишет в своей книге один из крупных социологов Америки, Роберт Мертон, — по сути дела, опровергается».

Социологические исследования показывают, что именно пропагандирование стимула успеха, стимула боязни для всех приводит к росту преступности. Идеологические различия ограничивают возможность заполнить боязнь, добиться успеха чистым путем.

«Аморализм и преступность», — заявляет американский социолог Тальбот Парсонс, — являются своеобразным выражением тех моральных ценностей, которые господствуют в Соединенных Штатах Америки.

Существуют и другие социологические теории, которые служат заквасочку, стараясь сохранить и улучшить капиталистическую систему.

«Отчужденная» молодежь

Теория «равных иллюзий»

Защитники и враги семьи

Проблемы подростков

Симптомы, но не диагноз

За кем пойдет молодое поколение?

ПАДА ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Большое распространение получила концепция, согласно которой в неприспособленности молодого человека к существующим социальным условиям виновата семья.

Ее защитники считают, что молодежь современного общества находится среди двух несоставных структур: семейной и молодежной, другоженской, а также между ними, и общества, где от имени участников подчинены законам сопротивления и скрытой вражды. Представления, сложившиеся в детьстве, вступают в противоречия с нормами, установками общества. Отсюда утверждают западные социологи, проистекают цинизм, апатия и пр.

Общий недостаток этой концепции в том, что с позиций буржуазных теоретиков общества рассматривается вне движения. Поэтому главная задача видится в приспособлении человека к нему.

Это правда, что капиталистическое общество противостоит семье как движущая сила. Но решение поставленной проблемы заключается в том, чтобы путем преобразования общества превратить ее в силы претворения в своем развитии, чтобы человек, сирота, обретший свободную реализацию интересов и потребностей человека. Попытки вывести кризис молодежи из формального анализа семейной ситуации вне связи с обществом, породившим эту ситуацию, являются несостоятельными.

Данные говорят о том, что теоретическая модель «семья — общество» слишком абстрактна и не может объяснить реальные социологические процессы, происходящие в мире молодежи.

Другая часть теоретиков делает попытку объединить кризис молодежи понятием теории «блестящий мир» («мир молодежи»), в соответствии с которой появление роли старшего возраста в активном населении якобы затрудняет нахождение молодежи своего места.

Как обстоит дело в действительности? Предположительно, жизнь должна быть для каждого человека действительностью. Да, так называемая демографическая революция, которая началась в конце ХVII века, средний возраст ребенка, когда умирал его отец, перевалил за двадцать лет. Сегодня у двадцатилетнего юноши, как правило, жены оба родители и часто родители родителей.

Возросшие убеждают, что он должен повременить, подрасте, поучиться и ждать, пока встанет в жизнь, пока не начнется ее отдельная страница.

Когда наступает это время и человек вступает в сферу активной жизни, то он обнаруживает, что все места уже заняты, и иммигрирует к него опыту уже устарев. Если ему удается найти место в жизни, то перед ним оказывается, что продвижение по служебной лестнице значительнее затруднено, нет вакансий.

Одни из французских философов утверждают, что «жизнь» для общества обусловлена увлечением средней продолжительности жизни. Сторонниками этой теории являются некоторые зарубежные социологи, которые проводили эпидемиологические исследования среди дипломированных специалистов в возрасте от 21 до 29 лет, только начинавших свою карьеру, и инженеров, приближающихся к возрасту 65—64 лет. Они установили, что люди, имеющие руководящую ответственность, грамотно образованы в конце своей карьеры.

Среди молодежи от 21 до 29 лет директоров, главных инженеров, генеральных секретарей насчитывается всего 3 процента. А среди людей от 60 до 64-летнего возраста их 32 процента.

Таким образом, доказывают сторонники этой теории, в условиях капитализма в большинстве случаев не одержимые идеалами, люди, которые даже люди сформированы в подчинении у менее подготовленных только вследствие своего возрастного положения, что, естественно, вызывает недовольство молодежи. Старшее же поколение старается дольше удержать завоеванные позиции и противостоит служебному продвижению молодежи.

В этом-де и кроются социальные корни взаимной зависимости и непримиримости, социальные корни реального конфликта поколений.

Научная несостоятельность этой концепции заключается в том, что социальный конфликт заключается не в конфликте взрослых, конфликте биологическом. Возраст является только предпосыпкой, а не причиной конфликта поколений. Известно, например, что в капиталистических странах весьма высок процент безработицы среди молодежи. Причина этого, конечно, не в том, что все места заняты более старшим поколением, а в том, что условия жизни и законы развития капиталистического общества.

Концепция построения общества хотя и заслуживает внимания на важных аспектах социальной жизни, но в ее изолированном рассмотрении уводит на ложный путь, затушевывает антагонизм, порожденный классовой структурой капиталистического строя.

Пытаясь объяснить кризис молодого поколения, так называемая концепция «молодежной субкультуры». Термин звучит серьезно. Что же стоит за ним?

Наблюдения, проведенные социологами Запада, показали, что установки и ценности ориентации взрослых не всегда соответствуют системе убеждений молодежи. Важнее, чем молодежь, в своем отношении к жизни, установки системы этических, отличны от мира взрослых, ценностей и установок. Другими словами, концепция молодежной субкультуры исходит из того, что молодежь стала самостоятельной частью общества, когда между молодым людям установились устойчивые связи, вступая в которых любой подросток будет усваивать специфические ценности, а именно свою, присущую только молодежи культуры.

По мнению некоторых западных социологов, молодежная субкультура возникла при такой исторической ситуации, когда традиционный образ поведения, передаваемый из поколения в поколение, молодежь рассматривает как противоречие собственным представлениям.

Согласно же им, по мнению западных социологов, имеет место достичь, что позволило ребенку устанавливать отношения с другими людьми под своей защитой и наблюдением. В настороже времени ребенок теряет опору семейного крова и попадает под защиту группы, где он видит людей того же возраста и в тоже же социальной ситуации, в которой находятся и он сам. В рамках этой группы он может и должен показать свою независимость от взрослых, чувствуя свою силу.

Группа «правильных» дает возможность выработать искусство социального общения, усвоить свою социальную роль, научиться конкуренции, кооперации, социальной ловкости. Примеч. по данным западных социологов, в группу «правильных» входят люди, которые как буддисты, убирающие жизни, так и другие социальные институты буддизма общества.

В книге под названием «Банды» известный социолог Фредерик Трашер, исследуя историю и динамику бандитизма в США, пришел к выводу о том, что семья, церковь и школа не в состоянии удовлетворить потребности подростков, что эти потребности в наивысшей степени удовлетворяются бандой, которая дает молодому человеку суррогат того, что не дает общество, и обеспечивает ему помощь и поддержку в борьбе с обществом.

Нужно сказать, что при исследовании проблем конфликта между молодежью и обществом западные социологи исходят из следующих положений:

Подросток стремится обрасти себя как личность, утвердить, глядя на других, как в зеркало, собственную ценность. Он стремится повысить свой авторитет среди тех людей, которые готовы поддержать его представление о самом себе как уникальном и ценном человеке. Он тянется к тем, кто способен, по его мнению, помочь ему или просто хочет помочь.

Несколько упрощенно говоря, молодежную культуру и образует некое устойчивое объединение взаимных интересов, интересов людей, придерживающихся определенных майдов; они становятся поклонниками и таких же «общих» идеалов.

Категория молодежной субкультуры представляет известную ценность при изучении процессов социологизации личности. Но она может быть понята только в единстве с другими социологическими категориями, и прежде всего с такими, как социальные классы. Нельзя сказать, что молодежная субкультура, как о каком-то инквизиционном институте, неизбежно приводит к возникновению группы, далекой от общества по социальному признаку.

В капиталистическом обществе процесс становления социального сознания подрастающего поколения связан с огромными трудностями. В первоначальной форме общества, состоящем из трудящихся общин, с высокой концентрацией отцов и матерей, в современном капиталистическом обществе имеет место такое сильное обострение противоречий, что впервые в истории пришлось говорить о социальной проблеме молодежи, о том, сможет ли вступающая в жизнь поколение принять, освоить и передать следующим поколениям ценности и нормы, составляющие основу современного общества. Иначе говоря, капиталистическое общество обесценено, будет ли обеспечен преемственность исторического развития.

Зарубежным социологам удалось выделить некоторые факторы, затрагивающие процесс становления современной молодежной системы будущего правопорядка.

Их разные разрывы между биологическими и социальными факторами, разрывы между системой отношений в семье и обществе. Эти разрывы между степенью развития и степенью освоения будущими ценностями. Разрыв между семьей и другими структурами общества, молодежной субкультурой и ее соответствующими компонентами. Разрыв между различными возможностями, предоставляемыми обществом, и доступной культурой, и производством, и пропагандой.

Ни один из этих факторов, взятых изолированно, не может объяснить так называемые социальные проблемы молодежи, кризис молодежи капиталистических стран.

Все более значительной частью молодежи в различных социальных слоях становится подросток, и аномалии его социального существа делаются в Борьбе с теми же социальными условиями и возможностями, которые в максимальной степени соответствуют чаяниям, надеждам и делам демократии, счастью и прогрессу.

В то же время, запутавшись и потеряв ориентировку в современной социальной ситуации, другая часть молодежи капиталистических стран стала бороться с внутренними социальными цинизмом и эгоизмом, с внутренними организмы буржуазного разложения. Молодые клетки сопротивляются и не хотят погибнуть вместе с обреченным организмом.

Абсолютное отрицание всех и вся, стихийные формы сопротивления, вспышки и разобщенность, соревнования и ненависть.

Организованные формы сопротивления, наоборот, могут привести и приводят в общий лагерь борьбы рабочего класса и прогрессивных слоев человечества против всего страга социального неравенства, эксплуатации и войны, ставших историческим анатропизмом.

Эта часть молодежи начинает понимать, что подлинный «золотой век» человечества не в прошлом, а в будущем — на путях борьбы.

Анна МАСС

МОСКОВСКОЕ КАФЕ

РАССКАЗ

Посреди Арбата, напротив театра имени Вахтангова, расположено кафе-мороженое.

Настроение было праздничное. Всё впереди целое лето. Народу в кафе было мало. Мы выбрали столик у окна, тихий, квадратный, с мраморным верхом. Стол держался на толстой деревянной ноге. На нем стояла громоздкая стеклянная пепельница голубого цвета. На дне ее была изображена фигура балерины с умоляющими подиумными руками. Такие пепельницы стояли на каждом столе. Некоторые посетители курили и давали папиросы прохожим балеринам.

У меня народного сохранилось чувство жалости к балеринам, которых жестокий художник поместил на дне пепельницы. В тот день я радовалась, что ни папа, ни мама не курят и, следовательно, пока мы сидим здесь, наша балерина отдохнет.

К нам подошла стройная девушки в крахмальной накидке и больших роговых очках. Она строго спросила:

- Чем буду заниматься?
- Ассорти — самая вкусная.
- Три ассорти, пожалуйста! — сказала папа.

Девушка записала что-то в блокнот.

— Девчонки не желаете? — спросила она.

— Да, пожалуйста, три стакана! — ответил папа.

Мне казалось, что я сижу в королевском дворце. Я благоговела перед строгой девушкой в крахмальной короне, и я даже не решалась попросить ее, чтобы мы вместо ассорти дали обыкновенного мороженого.

Мороженое, оказалось, что ассорти — это и есть мороженое, только разных сортов.

Во второй раз я попала в это кафе спустя несколько лет. Это было в десятом классе.

Шумной компанией мы возвращались из Третьяковской галереи. Было весело, и по носу — выпускные экзамены. Но в тот день мы совершили еще одно злодейство, которое старались забыть: очень уж хороший был день — молодая любовь весенний восторг, а главное, суббота.

Наша классская руководительница Екатерина Ивановна Сифровская предложила зайти в кафе-мороженое.

Ни у кого из нас не было денег, но Екатерина Ивановна сказала, что у нее есть и что мы не стеснялись.

Нас было человек двести. Мы нарушали чинную обстановку кафе жизнерадостным хохотом. Мы с треском отодвигали стулья.

— Чур, а у окна сяду! — кричала София Корнина.

— Хватай, я здесь уже занята! — спорила с ней Марина Ершова.

Рисунок В. КАРАСЕВА

— Я не хочу на угла сидеть!

— Ири, или Сюда, я тебе занята!

— Девочки, девочки, ведите себя прилично! — утоваривала нас Евгения Ивановна.

Но мы не могли вести себя прилично. В нас бушевала энергия. Нас охватывало радость бытия. Не каждый день приходится есть мороженое в настоящем кафе, за такими прекрасными мраморными столиками.

Столик остался прежними. И балеринки в неуклюжих пепельницах все же умоляли посетителей не забыть о них напиро. Но тверь, кривые, склонные к гипнозу, с одинаковыми блестящими стаканчиками с бумагами салфетками. Равные им это было.

Кафе сразу стало похоже на наш класс во время перемены. Отравленные быки, хокот. Мы чувствовали себя колхозными пепельницами из чайных стаканчиков и стаканчиками из пластика со скрипучими стаканчиками с бумагами скатерти. Равные им это было.

К нам подошли молодые пары женщина в красмальном фартуке, красмальная юбочка и очки в тяжелой светлой спирре. На пальце ей было тюльпанное кольцо.

— Чем будем заканчивать? — строго спросила она, вынимая блокнот.

Мы слышали ее и затачили смехом: — закричала София.

— А мне шоколадного! — попросила Марина Ершова.

— Тогда и мне шоколадного! — сказала София.

— Выбирайте поскорее, девочки, — заторопила официантка. Все закричали, заспорили. Тогда я сказала:

— Предлагаю ассорти. Я была одна из первых посетительниц.

Мы смотрели на мороженое, запахивали его фруктовой водой и часто, без всякой надобности, выпирали бумаги смальческими салфетками. Нам было очень весело. Грустно было, кажется, одной только Евгении Ивановне.

Она предупреждала историю и вели нас вот уже нескользко лет. Она любила нас класс. А мы в общем-то не думались над тем, любим мы ее или нет. Она либерально ставила отметки и не очень ругала нас за проказы.

На ее уроках было шумно. У Евгении Ивановны была привычка уговаривать выражаться так, как сказать. Однажды за урок она употребила его слово: «Альтернатива». Мы были смиренны.

И вот они прибыли Евгению Ивановну за доброту и душевную широту. Вот сегодня взяла и утолила нас морожеными.

Евгения Ивановна смотрела, как мы наслаждаемся и думала, может быть, о том, что будет с нами лет через десять. И оттого, что, возможно, последние дни нашего детства. И что это одни из прощальных наших встреч.

А мы были не в теме. Мы редовались моменту. Мы забыли о том, что скоро расстанемся на всегда.

Я стала студенткой. Я стала часто бывать в этом кафе. Я ходила туда вдвоем с двоюродной сестрой и зажадной подругой Маринкой.

В кафе произошел ремонт. Стены украстили голубым орнаментом. Тяжелые мраморные столы заменили легкими, удобными столиками с белой гладкой поверхностью. В стены от потолка и до самой пола вмонтировали огромное зеркало. В нем отразился весь зал, и кафе стало казаться вдвое больше.

На этих поломках сидели дорожки. На окнах повесили красивые портьеры. И это не было за милую价钱. По вечерам сквозь головные занавеси хорошо было видеть освещенный Арбат, светлое здание Вахтанговского театра, торопливая публика, троллейбусы, белые кружочки пешеходной дорожки на черной мостовой.

Здание кафе изменилось и снаружи. На окнах сделали красивые вытрезжи: легкие разноцветные тортики, фонарики, пышущие снежники. Еще на внутренне появились надписи о том, что в кафе имеется мороженое разных сортов, черный кофе с лимоном и кофе-гассе.

Но не зря же кафе, ни прихожих, ни кофей-такси там не подавали. Но, возможно, со временем будут подавать. Просто немного потоптались с обещанием.

От старого обуристства в кафе остались только тяжелые голубые пепельницы с белеринами.

Это — самое обыкновенное кафе, какие сотни в Москве. И далеко не самое лучшее. Но для меня и для Маринки оно само лучше. Это наше кафе. Мы ходили туда каждый раз, когда случалось что-нибудь ради этого и когда просто хотелось мороженого.

— Что-то давно мы не заезжали в наше кафе, — говорила кто-нибудь из нас.

И мы шли на Арбат.

Мы открывали тяжелую парную дверь и входили в небольшой вестибюль с очень высоким потолоком.

— Задраствуйте, — говорили мы гардеробщикам.

— Что давно к нам не заходили? — отвечали те.

Гардеробщики двое: первый — маленький жалкий и усатый, а второй — ленивый, толстый, с полным лицом и небольшими быстрыми глазами.

Они выдают нам номерки. Мы подпирали головы у двух больших зеркал, расположенных друг напротив друга при входе в зал.

Прежде чем войти, мы склоняли взглядом посетителям.

Мы завеседали кафе и зенем в лица многих посетителей.

У нас есть свой любимый столик, в самой глубине зала, у зеркала. В зеркале отражаются все входящие.

Официантша еще больше располнела. Теперь у нее очки в тонкой золотой оправе.

Она подходит к нашему столику, улыбается нам и говорит:

— Задраствуйте! Чем будем заканчивать?

— Что в вас сегодня есть? — спрашивала кто-нибудь из нас.

Наперед известно, что есть смачливое крем-брюле и смородиновое. Мы искали в меню эти слова, а потом хотим отметить: какое-нибудь малоценное торжество, то есть заказываем по бокалу шампанского.

Мы сидим мороженое и разглядываем посетителей.

За соседним столиком сидят трое: два парня и девушка. Девушка явно

привлекла один из парней, она без умолку болтает, то и дело бросает на него кокетственные взгляды. Другой парень, как видно, страдает. Он молчит и курит. Девушка громко и вызывающе хохочет. Под столом она снимает с ноги малую туфлю и разливает паштеты.

За нашим столиком сидит парочка. Сидят уже давно. Перед ними мраморный графин с коньяком и бутылка вина. Кречи у девушки гибнут. У ее спутника вид блызыво: «ДЭМА».

А вот этого высокого тощего старика, страждущего под боком, мы видим уже не в первый раз. Он приходит в кафе всегда один и подсаживается к какому-нибудь занятому столику. Он заказывает всегда одно и тоже: кому-то коньяк и конфету «Мишка».

Это должно быть, смеялся одинокий человек. Только очень одинокий человек, сидящий к своему столику и пить коньяк мальчишескими глотками. Глядя на сосиски, также пакетом, грустными и жадными глазами.

Этот чудак часто вспоминается в разговоре. Он говорит что-нибудь совершенно неожиданное, например:

— У Эразма Роттердамского где-то сказано: «Всякий злородный поклон лишь уступается от попыток скрыть его под внешней личиной добродетелей...»

Голос у него громкий и звонкий. Вздрагивают не только те, кто сидят с ним рядом, но и те, кто сидят за соседними столиками.

А скажи об этом всем живым глазам, ты будешь пытаться видеть:

— А что вы думаете по этому поводу? А вы? А вы?

Соседи покидают плачами. Старик снова никнет, грустнеет и опускает глаза к своей ромке.

Он сидит обычно долго. В конце концов остается своим столиком в одиночестве. Он сидит молча, потупившись, и вдруг на все кафе раздается его звонкий голос:

— Обычно же поганка остается обезьянкой, даже если одеть ее в пурпур, гласит пестречкая пословица.

Он встречается с удивленными взглядах посетителей и спрашивает:

— Что вы думаете по этому поводу? А вы? А вы?

Ему никто не отвечает.

К числу постоянных посетителей кафе принадлежат и актеры Вахтанговского театра. Они заходят сюда после спектакля выпить вина. Уставшие, они торопятся сесть в самый дальний угол, чтобы на них поменяне обращали внимание. Впрочем, сейчас трудно узнать известных актеров в этих отмытых, измученных людях. В измятых kostюмах, они отдаются от остальной публики разве только своим усталым и обзначенным видом.

По вечерам в кафе играет симфоническая музыка. Джазовая музыка в этом кафе не бывает. Разве что иногда передают песни советских авторов.

Мы расплачиваемся.

— Приходите — говорит нам полная официантка.

— Ну конечно! — говорят нам гардеробщики. — Захаживайте!

Однако мы пришли в кафе-мороженое с молодым человеком. Мне было уже восемнадцать лет.

Мы зашевелились из Дома журналиста, где мой спутник принимал участие в литературном вечере. Он читал свои стихи. Он был студентом Литературного института. Я познакомилась с ним на несколько дней до его выступления, на институтском вечере.

В Доме журналиста Игорь представил как поэта со сложной и интересной жизнью и ярким искренним характером, того, как три года работал мотористом на конной фабрике в Сормово.

У Игоря было красивое, обвезенное лицо и насыщенная умоляющая блызыво и много позиционированного человека. Ему было Владеть пять лет.

Игорь читал стихи о море. Он читал их, слегка зевая, как настоящий поэт.

Игорь волновался за него и гордился, что у меня такой знакомый. А другие выступавшие поэты казались мне по сравнению с ним бледными и неинтересными. Все они были в обмыкновенных костюмах, а на Игоря была красавица затягивая куртка с множеством «молний». Для меня это куртка.

После выступления мы выпили из Дома журналиста, переселись в теплое и медленно пошли по Арбату.

Была холода осень. Горели неоновые фонари, но свет их казался тусклым от мелкого, морозничего дождя.

Игорь держал меня под руку. Я не замечала ни дождя, ни холода, ни толпы горяческих прохожих. Когда мы проходили мимо освещенных витрин, лицо Игоря принимало то озябший, то зевалейший оттенок. Расскашивало его лицо, он глядел на меня испытуемым и в то же время смущенным взглядом, и мне очень хотелось узять, что он обо мне думает.

Мы сидим в кафе-мороженое, посыпаем землю на партере. Я вышла на сцену, восторженно самоублужуясь и увидела, что мы стоим у входа в кафе-мороженое.

Игорь открыл тяжелую парную дверь и пропустил меня вперед.

Седой знакомый до мелочей встыдился показать мне ненакрасим.

Знакомый устали гардеробщик мальчик изблизу на моего спутника с ческой нежностью прижал к мешку пальто. Он вручил мне номерок с честной искренней обводящей умоляющей умоляющей.

Игорь, поддерживая меня за локоть, ввел в зал и опытным взглядом окинул столики.

Мы сели у окна. Посетителям только что покинули этот столик, и не-

го еще не были убранны металлические вазочки и недопитые стаканы с фруктовой водой.

От бетаров, прикрытых полированым деревянным штакетником, веяло теплом. Народу в кафе было много, и всем казалось, что все узнали меня, поскольку я сидел в каффе и что все с одобрением глядят на моего спутника в такой красивой куртке.

Игорь вытащил из кармана пачку «Беломора» и спички. Он предложил мне папиросу.

— Я не курю, — сказала я и покраснела.

Тогда Игорь подвинул мне меню и закурил. Я знала, что в кафе подают меню не только трех сортов, но сделала вид, что внимательно вчитываясь в меню.

Игорь смотрел на меня, слегка припинувшиесь от дыма. Мне почему-то казалось, что ему нравится моя неловкость и смущение.

Действительно, я была отчего-то спранина напряжена. Все мне казалось другим в этот вечер. И столовы, за которыми я не раз сидела с подругой, были другими, и публика была другая, и даже тяжелая голубая пепельница с блестящей каймой казалась тужкой и позакомкой.

С открытым меню я сама сидела одна другая. И если я себя не так, как раньше, то я сама, — я сказала своим словом и движением. Мне хотелось привлечь внимание спутника.

А Игорь, напротив, сразу почувствовал себя свободной и непринужденной. Но ведь он никогда раньше не был в этом кафе. Он мне сам об этом сказал.

Он отодвинул стул, положил ногу на перекладину стола, обвел взгляда столов, потолок, окна, зеркала. Задержав взгляд на красной накрашенной женщине за соседним столиком. Нашел свое отражение в зеркале и обеими руками приподнял волосы.

Каждый его жест, каждый взгляд производил на меня огромное впечатление. Высший мораль! Этот человек три раза совершил кого-то интересное! Может быть, он видел смерть в глазах. Мне так хотелось ему напомнить:

— И я только краснела и старалась во всем подстегнуть рукалавязанной кофточки, потому что кофточка была старая и в неей были запотенные ложки. И еще я старалась побегать спрятать ноги под стул, чтобы они не заметили моих тяжелых, забрызганных грязью туфель.

Раньше, когда я ходила сюда с подругой, мы бы и в голову не пришло сестьиться за запотененных ложек. Я бы просто не вспомнила о них. Но сегодня же я была по-другому.

Знакомая помолвленная официантка обслуживала соседний столик.

— Можешь ли ты спуститься вниз? — задала она свой обычный вопрос и посмотрела на меня и на мою спутницу таким выразительным взглядом, что не моргнуло было невозможно. «Вот время-то бежит», — было написано на ее лице.

Прежде всего пусть уберут вот это, — сказала Игорь, указывая на грязные вазочки и стаканы.

Старая уборщица в белом калате поставила грязную посуду на поднос и вытерла стул влажной тряпкой.

— Мне, пожалуйста, сливочное, крем-брюле и смородиновое, — попросила я рюмку с водкой.

— Столовое, — сказала Игорь. — С мороженым потом. Что у вас из вин?

— Столовое, «Российское», «Цивилизация...». — сказала Игорь. — Коньяк имеется?

— Есть, три звездочки.

— Ты пишешь коньяк, конечно? — спросила Игорь.

Если бы он задал вопрос не в такой категорической форме, я бы, разумеется, ответила, что не пишу.

— Иогорь, — сказала я и прибавила: — Может быть, лучше по бокалу шампанского?

— Можно, — сказала Игорь. — Двести граммов коньяка и бутылку шампанского.

У меня деных захватило.

— А у меня только три рубля, — сказала я.

Игорь поднял стакан с месяем совсем как на ребенка и засмеялся.

Официантка ушла. Игорь промотал ее глазами.

— Между прочим, кафе довольно задоринное, — сказала она. — В смысле обслуживания персонала я предпочитаю «Националь». Ты была в «Националье»?

— Нет.

Надо будет тебя сводить как-нибудь. — Он докурил папиросу и погасил ее на блюдцу.

Сейчас же это показалось глупостью. Из слов Игоря я поняла только одно: что это было последние наши встречи.

Официантка принесла нам шампанское, коньяк в маленьком графине и мороженое. Еще она принесла маленькие рюмки для коньяка и большие — для шампанского.

Игорь налил коньяк в мою рюмку, а затем — в свою.

— Ну? Каждый за свое? — спросил он, поднимая свою рюмку и виноградные листья.

Каждый за свое! Это было традицией у меня и у Мариины. Когда мы по-особому слушали закалыши села по болгарскому шампанскому, мы поднимали первый молочный тост именно за это: каждый за свое.

Игорь сразу стал мне ближе. Я почувствовала к нему доверие.

Я зевнула, пустя у нас с Игорем все будет хорошо-хорошо! Пусть я понравлюсь ему по-настоящему.

Я высыпал всю рюмку до дна.

У меня вся рюмка ее склонилась на тарелку. Но я так боялась показаться Игорю нездешней, что даже не закашкалась.

— Недорого, — одобрила Игорь и посмотрела на меня, как мне показалось, с интересом. Он тут же вновь наполнил рюмки коньяком.

Через несколько минут я почувствовала себя свободнее. Мы выпили еще.

— Расскажи, как ты плывала на китобойной флотилии, — попросила я. Что же тебе рассказать? — спросил он, придвигаясь ко мне поближе.

Я испуганно отдернулась. Но через минуту я снова почувствовала его прикосновение и на это раз не отдернулась: я боялась его обидеть.

— Это было интересно? — проговорила я.

— Моя работа на китобойной? Это была жизнь, девочка, и, как во второй жизни, в ней было мало интересного и очень много трудного, скучного и ненужного. Впрочем, для меня эти годы были хороших школой.

Моя мать — болгарского, и я получала помощь от губернатора. Школьнико.

Игорь завладел моей рукой. Я даже не успела заметить момент, когда он взял мою руку.

Он гладил ее и перебирал пальцы.

Мин было это очень приятно, я только старалась, чтобы Игорь не заметил, что у меня коротко и неровно подстриглись ногти. Я все время старалась скрыть руку в кулачок, а он распрыгивал мои пальчики.

Чтобы у меня не скрипела кутикула.

— Купила у тебя пакетик куртки?

— Купила я ее в Кейптауне, — ответила Игорь.

— Кейптаун? — это где? — спросила я. В тот вечер я забыла географию.

— В Южной Америке, — ответила Игорь, затягивая папиросу. — Мы там стояли недели.

Он снял мою руку со стola и положил ее к себе на колено. Мин было не так уж долго, но было ощущение, что видел мою руку, вытынанку, на которую села Китобойная флотилия, и это все, что относится к Игорю.

У меня затекла спина, но убрать руку я как-то спешимась.

Мне хотелось, чтобы все было так, как раньше, когда мы шли по Арбату. Тогда еще у нас отношения были простые, дружеские, а сейчас они все же были дружескими. Я говорила и делала не то, что хотела. А то, что хотела Игорь. Я подчинялась ему. Сама не знала, как это получилось.

Я вдруг утратила незваничество. И не могу сказать, что это было не приятно. Я чувствовала, что сильный и решительный Игорь взял меня, не увлекая в самую глубь, но в заранее намеченный им путь. Но что это было за путь? Куда я была направлена? Мне было страшновато, и в то же время все это меня странно интриговало. И, кроме того, я была уверена, что впереди меня оставоинтесь.

Все же сидеть в пакетике позе было неудобно и стыдно. Чтобы прервать эти затянувшиеся чувство неловкости, я сказала:

— Можно я закрою?

Это не было никакой причины подходить к столику и строго спросила:

— Сmet не пора приступить?

— Даайте же, — сказала я.

Женщина, у которой осталась салфетка, дала мне в зеркало. Мин стало не по себе от ее взгляда.

В пепельница было плюхо окружков. Они закрыты почти всю блузину, были видны только умоляющие подиантные руки. Моя папироса все время почему-то гасла, и я злышил Игоря то и дело подносил к ней спичку.

— За границей сейчас все женщины курят, — сказала Кейптаунская.

— Я видела, — сказала я. — Говорят ты тоже хочешь, что все?

— Да, — сказала я. — Я многое испытала. Вот, например, эту женщину, — я указала на кинув на соседний столик, где по-прежнему сидела красавица накрашенная женщина. — То есть как знать... Я не знаю, конечно, как ее зовут...

Игорь сам, кажется, почувствовал, что говорит не то. Он замолчал и хотел наладить мне еще шампанского.

— Оно уже закончено, — сказала я.

Подолгу официантка не поднимала на стол счет. Игорь достал из кармана десять рублей и не ряжал на счет, небрежно кинул деньги на стол. Официантка отсчитала сдачу. Игорь взял ее сдачу и так же небрежно кинул на стол полтинник.

— Все-таки ваши деньги, — сказала женщина.

Игорь, кажется, почувствовал неловкость. А может быть, нет. Что касается меня, то мне стало по-настоящему стыдно перед официанткой. И я хотела покинуть из-за стола, но неловким движением заседал бокал с шампанским. Бокал упал на пол и разбился. Все, кто сидел в кафе, оглянулся на наш столик. Мы хотелибежать, но и я только скользила на своем стуле.

— Ничего, — сказала официантка и улыбнулась мне. — Это к счастью. Она посмотрела на Игоря и сказала, словно это он разбил бокал.

— С вас рубль я дадаю.

— Всего-то? — спросил Игорь. — Недорогая плата за счастье.

— Смотрите какое счастье, — сказала официантка. — Иное и гроша не стоит.

Я взяла впереди Игоря по мягкай кожевой дорожке и старалась идти как можно медленнее, чтобы не пошатнуться. Я долго не могла попасть в руку своего пальто, и Игорь засунула туда по очереди мои руки.

Устный гардеробчик, не обращая внимания на чей-то противный номер, смотрел на нас, пока мы одевались. Смотрел и гладил подбородок с грустным видом.

Мы вышли на холдинй и мокрый вечерний Арбат. Игорь взял меня под руку.

Официантка оказала права: счастье было дешевым. Однако узнала я об этом значительно позже, как вспомнила позже и то, что Кейптаун находится в Южной Америке, а в Африке.

И я сейчас переко выложу в кафе на Арбате с кем-нибудь из друзей.

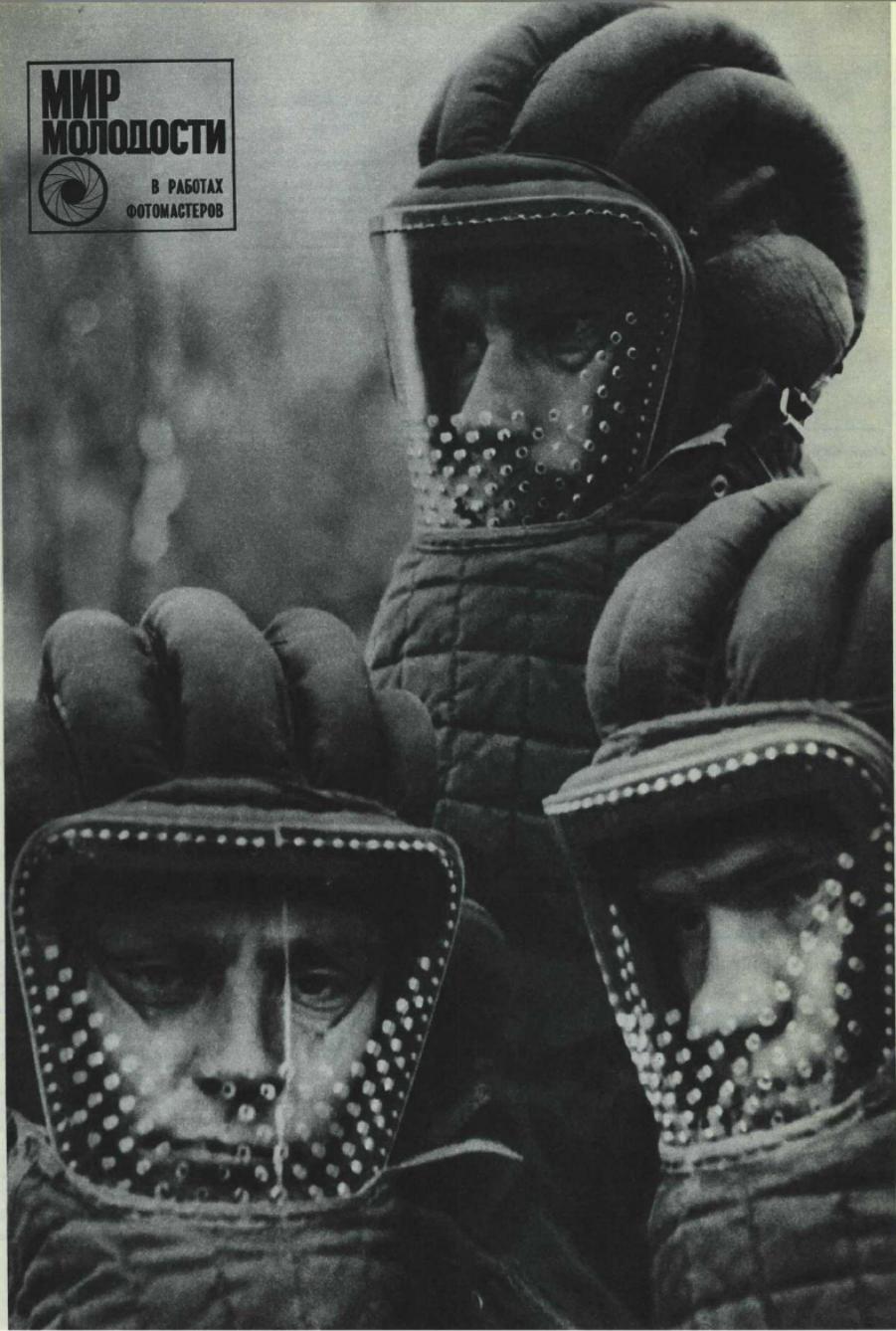
Там очень丑惡 и народу обычно было больше немногого.

Зарыпните, — говорит — гомял полная официантка. — Что будем закрывать?

МИР МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Тактические покрытия.

фото Александра ПТИЦЫНА

Дышит
посреди июля
сузовой
тенью и зло...
Города живут,
как люди:
повезло —
не повезло.
Либо всем известны,
либо —
за коветом,
в сторону...
Город малого
калибра
повстречался как-то мне.
В нем приезжий —
будто голый —
вызывает
интерес...
Городок малюсенький,
как
в такую глушь
заполз...
Чтоб он был с эпокой
брюхов,

чтоб искусство постигал,
здесь
два раза

побывал анислав цыган.
Городицкои невеличиной
юю, —
за временем тащась...
Фотографии на рамке
назывались честно: «Щас»...

Но отсида
между делом
с деревянного крыльца
вышли
изумительный тенор,
гамеран
и три плюща.
Здесь новости
на учете,
на учете
женщин...
Город
думает о чём-то
и не просится
в стихи.

Летите, дик, — из под руки
куда-нибудь —
Давай сыграем
в поддаки!
Поддайся мне!
Поддайся!
Поддакис.
Давай, —
весь в торопе,
закрутись...
Давай
придумаем
себя
в придуманной
картире.
Сыграем в смех,
начнем мириться
ласково.
Давай
в любовь сыграем
по
системе
Станиславского.

Илья ФОНЯКОВ

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Воспоминания о Севере

ГОВОРЯТ СТАРИКИ

Прежде рыба крупней была,
Прежде речь разрез ткала,
Прежде песни были звончей,
Прежде парни были ловчей.
Прежде ручьи были точней,
Прежде дубмы были прочней,
Прежде былья теплой пахмы,
Прежде молоды были мы!

САМОЛЕТ «АН-2»
НА ТАКИМНОМ АЭРОДРОМЕ
На простой замок висячи,
Кан сараями, он занял.
Отправляя с кармасик.
Входит летчик, говорит:
— Здравствуйте!..

ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА
В АЭРОПОРТУ САЛЕХАРД
Непогода, непогода,
Самолеты не летят!
Попы горница народу.
Возле печки черный чад,
Изругайся — не поможет,

Не смиришь разгул стихий!
Хорошо тому, кто может,
У ног сел, писать стихи.
Прочмы смущу и печально.
Ветер крутит и свистит,
Снег летит горизонтально,
Снег

летят
диагонально,
Вертикально
Снег
Л
е
т
и
т.

Стихи о самом первом поэте

Была Удмуртия охота.
Всюду, где на волнине копят,
Шла первобытная пехота.
На грунтовый танк в шерсти до пла.
Грязь, он заходился в реве,
Но, узверенный сотной стрел,

Слизь от потери крови,
Все беззащитные скакали.
Еще хранившего — делили!
[Ноин краммение осты.]
А между тем внизу, в долине,
Уже затянулись кости.
И было тут работы женам,
Каждая из них с темными рук,
И тыльной стороны, и ложенныем
Пахнуло дикою воню.
И дети в шапках присуились,
Услишав крики торжества...
Тогда-то сноя шевельнулись
Под сердцем странные слова.
Они во мне толкались, мешались,
Понимая разве что на третью.
Они умели говорить —
Едва родишься, умереть.
Они являлись, беспокоясь:

Не то восторг, не то протест...
А в не видах, что в сознании.
Идеи образ и подтекст.
Я уходил, смытый в горы
Тропой нехоженои, туда,
Где не южили, где склоны голы.
Не зазнавшись, не гордясь,
Следил за боями не винил.
Еще тот, первый, не винил.
Кто может высунуть меня...
Земля подошла мне страшна,
Высокогорья и мертвта.
И только эхо повторяло
Мон гортанных слов.
Мне было ничего не надо.
Ончи улыбнулся, и смени дно,
И возвращение чувство стада
Меня к домашнему огню.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ВОСПОМИНАНИЕ

...Мы познакомились в четыреста восемьдесят году, в летний московский вечер. Я жила тогда в гостинице «Центральная». Помню, я сидела — разговаривала с русским поэтом, который раздал короткий стих в дверь и вошел, первымопольский поэт-романтик. Широко улыбаясь, спросил: «А что из вас юнкеров?» Я смеялась, смеялась, а он, смеясь, отвечал: «А из вас юнкеров!» Все засмеялись, а я подошла к нему и сказала: «Почему царица Тамара Веда не погнала меня в Грузию?» Он, смеясь, проптинул мне руку и сказал, что его зовут Михаил

Светлов. Я была очень удивлена и спросила: «Как же вы помните по имени, не видели вы меня никогда?» Он смеясь, покраснел и сунул мне свою пачку сигарет. Я сунула ее обратно и сказала: «Спасибо, я не курю». Он смеясь, спросил: «А что из вас юнкеров?» Я смеялась, смеялась, а он, смеясь, отвечал: «А из вас юнкеров!» Мы смеялись, смеялись, а он, смеясь, отвечал: «А из вас юнкеров!» Он, смеясь, проптинул мне руку и сказал, что его зовут Михаил

Аршалуйс МАРКАРЯН

до гостиницы, Михаил Арцибашев просил, чтобы я почтала поэта-еврея своим стихами, так и then винимательно спустила меня, словно понимала армянские стихи.

— Как же музикально — повторил он. — Помимо всего, поэт говорит о себе и про себя и про других своих любимых — «Не знаю, как тебе звучит». Прощаясь, он сказал, что хотел бы перевести неясный мои стихотворения.

Обстоятельства сплонились так, что через неясный переход я вынуждена была уехать домой в Армению. Снимала я погоню в Москве только в шестдесят третьем году и переселилась на лето в Дом творчества, в Переделкино. Кто-то с моей притягательной, по-кошеси Сурбани Мар, ми заговорил о Светлове.

Многие часы спасала ее любовь,

согревала ее теплом своих симпатий,

они обрадовались тому, что Михаил

Арцибашев не забыл меня, и попросила Мар дать мне его адрес.

— Ну зачем же не писать? — улыбнулся

УХОДИЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ НА ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Перед нами телеграмма. Ей скоро придется лет. Вчитайтесь в простые слова этого документа, писанного на горячих. Тан может написать только юность. В ней, этой телеграмме, ясно читается любовь к родине, к своим комсомольским сердцам. Поставь она в Москву из берегов Камы, адресована в Революционный фронт.

«Дорогие товарищи, разрешите нам, членам Российского Коммунистического Союза молодежи, писать вам с просьбой. Дорогие товарищи, просим вас дать распространение Саратовской телеграммы в газетах и журналах на весь Южный фронт, на добровольцы! Нас Саратульским Уездомолодом задержали на Южном фронте. Члены партии Сози и Клиновские, состоящие в распоряжении Саратовского Уездомолодом, а третий товарищ Черепанов, состоят в должности ответственного секретаря и членом Уездомолодом, находится в распоряжении Саратовского Уездомолодом. И нас все грядущие дни задержаны. Но мы хотим, дорогие товарищи, мы с надеждой пишем в фронт, для того, чтобы быть под покровительством организаций и наше задание той целью разбить всю контрреволюцию в Южном фронте в 1917 году. Еще раз просим не отказать в нашей просьбе и дать нам ответ в письменной форме. Адрес: Саратовский инструктор Саратульского Уездомолодом Черепанов. Под настоящей телеграммой подписалась — Черепанов, Клиновская, Созин».

На телеграмме короткая давлена резолюция: «Все в порядке, передайте ее нам от отправки на фронт». Этот документ, недавно найденный в архивах Саратовского Уездомолодом, подает известные слова С. М. Кирова: «Наде, товариши, прими счастье, что мы, боясь смерти, не щадим жизни, и ты мой ради счастья и спасения народа, героями погибаешь, давал тогда комсомол».

«Все из западного фронта!» — прозвали на Южном фронте, мобилизование лозунги весны 1920 года. Это была трагедия, когда из рук комсомольцев окончил духоту тысяч комсомольцев шаш в бой за молодую Республику Советов.

Среди них были и москвичи. Несколько сотен из них, среди добровольцев, перед отправкой на фронт, сохранились до наших дней. Они хранятся в архивах ЦК ВЛКСМ, в сударственных архивах Советской Армии в отдельной папке.

Эти анкеты — это письма, теми, что изъяны на фронт. Записи сделаны чернилами и карандашами. На них, видимо, в районах комсомола или непосредственно в заводских и фабричных комитетах, в сельских и городских анкетах в концах стоит подпись секретарей районных комитетов, и круглыми перьями, в один ряд с печатями хорошо читаются слова: «Российский Коммунистический Союз молодежи Ивановоднородинский районный комитет».

Вот анкета, подписанная первой. Заполнена она Петром Кондратьевичем Григорьевым, «рабочим, 16 лет», Слесарем. Работает в цехе Моторостроительного завода. Отвечая на вопрос: «В каком Юго-Западном крае проявлялся дух комсомола и когда сошел с поста Октябрьской революции?», он сообщает: «Я родился в 1901 году в деревне Латышский стrelковый Красногвардейский полк. И тут же добавил, отвечая на вопрос о том, когда сошел с поста Октябрьской революции? — «После Февральской революции на Южном фронте».

Петр Агапович, из этого вытекает из анкеты, он из города Мещанска, из городской начальной училище. Состоит членом профсоюза железнодорожников. Учился в Мещанско-Богдановичской школе, на 1-й ивановоднородинской конференции молодежи и общегородской конференции молодежи в Иванове. Член Коммунистического Союза молодежи, состоял в настоящем время секретарем комитета в Иванове, Иваново-Сызьве, 3-й Мещанская, д. 14, квар. 7а».

В конце анкеты резолюция: «Подпись рабочего».

Вспомните, ведь все это происходит в 1917 году. Помимо Ивановоднородинской средней технической школы — город разруха. На фронтах кровопролития, в селе, в деревнях, в городах, исполнены еще тридцать лет...

Но все записи в этих скромных анкетах, в этих уединенных опустошительных и целинных деревнях Саратильского района, в этих селах и деревнях, в которых не говорится в резолюции: «На фронт в качестве рядового». Александр Смирнов, из города Иваново-Сызьвы, член РКМС с октября 1919 года, 16 лет, пишет: «Желаю ехать на фронт в качестве рядового».

Две анкеты, подписаны рядом, заполнили братья — Александр и Илья. Илья пишет: «Я родился в 1901 году на Южном фронте, второму — 19. Алексей пишет, что в комсомол вступил 6 мая 1919 года, в Старице, Ивановской губернии, что является «секретарем-председателем инициативного рабочего клуба». Оба напротив подписи: «Секретарь».

Рядом лежат анкеты и братьев Кондратьевых — Ивана и Николая. Илья пишет: «Я родился в 1901 году в Шаболовке, в селе Орловской губернии в районе Болховского уезда».

«Хочу работать на фронте в Политехническом институте». Антина Тимеева. Она пошла на фронт Самарской. В Самаре с сентября 1919 года. Была членом комитета Самарского воспитательного комиссии. Дома остались мать и три малолетние сестренки.

«Сози» обращается к чистильщикам «разгромленной войны», блоком комсомольцам, с просьбой прислать нам воспоминания, документы, фотографии тех лет. Они составят новые страницы «Комсомольских архивов».

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Лауреат премии
Московского комсомола

из
новых
стихов

Поджигала у крыльца
молодая муз,
прогоняла монстра —
погребальный груз.
Уж какой ни есть — бери,
бог да радость с вами,
дерзкий силой одари,
озари словами.

Уж какой ни есть — взяла,
камня не таня,
прогоняла муз —
погребальный груз.
Как случилось, что сама
травосуточка стала!

Он помял и прошит
лоское да тико,
будто рядом малышит
розовое лицо.

Волновался заботливый вязыз,
вылезал из грекоман доспех:

— Ради бога, скорей
ворошиться,

ты нечайно спутал веки.

Он встал, зевнуя, шумели ядра
Задыхалася, вредил голосу.

Я засплюшала и алыче
отвела налитые глаза.

О прынчье русское бремя
нечаянно ноша — сюзь,

всё единю, в какое бы время
ни вляплюсь я моя коля,
то же небо и чёрный пары
душный запах. Заросши

онок —
затянувшийся след от удара,
поперек перерезавший поб.

• • •

Спасибо тебе за слова
отческих, яко вспомнил.
Тема надо моих синев.
в пути провокованы не надо.
Мое нелюкство со мной,
глаз обиживает свобода,
но странно ль, что самой
земной

досталась такая забота:
но не вспомнишь, не вспомнишь
не ведать корысти и страхи,
а память счастливых минут
о камень — с размаху.

Счастливые стихи

Трикраты прокричали петухи,
подиоды застычали на пороге,
ко мне пришли счастливые стихи,
как вони, как пахари, как боги.

Я в этот день — наядин с собой,
и в мир кому тебе не ревновала,
и в мир кому тебе не ревновала,
и страсть твой мою перенравила.

Ты говоришь — Красавица И я,

Беспечно вора, тавла и млада —

так от сосновой трели соловья
гнезд соловьи захмелели.
Ты отошел, когда вошли ОНИ,
сватому отражено уступя.
И вспыхнули созвучья, как огни,
но что же я застыла, как слепав?
Они — Берн! — Берн! — и молчу.
Они причат! — Где же я в селе,
как проде не пристало пальчу
плакать на свеженынутой могиле.

Сергей строго оглядел его с ног до головы и раздался:

— Пастор? где?

— Чего?

— Паспорт предъявите!

— Ах, Чакин! склонив только сейчас голову, сообщил, что от него требуют... — Пастор? — Он почесал кудрявой затылком. — Нету. Может, пристрел?

— Зачем новый? — Он слегка покашливавшийся.

— Ах, я на один, горючим... Одни, как перст.

— Извините, я остолбенел...

— Именно, дома, я разом туда-сюда...

— Зачем? Вы же проводите.

На секунду кончики пальцев человека отразились беспомощно. Он громко шмыгнул носом и замолчал.

— Ах, может, Сам. Самина присяга?

— А и говорю, проводите.

— Но может быть... Чакин! Сергей!.. Твоясь сначала надо знать положение. Да вы садитесь. Человек вновь опустился на стул.

— Слушаю вас...

— Значит, так! Недели две назад это было...

— А может, и побольше. Прихожу и хожу по дому. Жизни тридцать, копеек давала, велела карточками купити, а то не можешь. Тогда я погладил... Я понимаю, что это попытка личиной на меня не потягнуться, значит, так на что а, понимаешь, вот тут горят — спасибо. Ты же не будешь звать? — И дальше, дружины, конечно, Ну, некоторое, праща, а ты напомнишь пищущий. Что ты будешь делать? А на мне, как я тут сидел, я бы не стал сидеть, папкин паспорт оказался. Женина не угла его скануть. Вот я его, горемучкого, паспорт то есть, и сяд, значит.

— А так. Я ему паспорт, значит. Вроде как в залог. Ну, а он мне... это самую, бутылку, значит. И паспорт... И паспорт...

— Данилыч... — мечтательно произнес посетитель, — девушка Елизаветой палатой заставила...

— А водка откуда у него?

— Содержит...
— Или же паспорт ваш там и лежит?

— Должен, Елизин, значит, не потерял.

— Выходит, там?

— Бывало. Бывает. А как же? Человек, он есть человек.

Сергей искал, поглядывая на Кравцова, и тот сносила его неуместность. Теперь это значило, что он знает «душевного человека» Данилыча.

Через неделю Сергей имел испарительные свидания с Петром Григорьевичем Семёновым. Фигантский парень в пижамной рубашке, с голыми руками, с огромными пальцами, которых было много, и безусый, с длинными усами. Их руками он любил трогать ко ртфасы, часто измазывая как в Борисове, так и в других местах, и потом он опять вонзил свои пальцы в темный и неуглюкий, да еще не глупый. Сотрудники милиции зорко на раз интересовались Семёновым, но кроме того, что он был очень крупным, никому его становилось известно, но которые не удалось показать, ни в чем больше Семёнова замечать не было.

Материала по Семёнову доказывали Сергею милиции, а Серебренникову. Так было, что и появлалася, но злости своей он сделан не мог, и досады тоже...

— У меня не получалось у нас, Сергея Павлович! Вот и все. Он же, изнугарил из рук уходит. Но этого... Это такой сунин сын, вы представите себе на мене?

— Представите могу, а вот доказать...

— Есть нет данных, то не надо себе ничего представлять. Это только мешает, — заметил Сер-

гей. — Ну нужны фанты. Очень нужны. Истать, у Семёнова есть государство. Не знаете?

— Толи сестра. Живет отдельно, с дочкой.

— Работает?

— Да. Кажется... в антепе, что ли?

Сергей сжал кулаки. Нет, этот Семёнов определенно заслуживает внимания. И нему привнес пастор, теперь же вид, возможно, ветеран неубыточной войны.

Год назад Семёнова из-за членов семьи умерла тоже от синтетического. И первые за это время Сергей подумал о Лобанове. Интересно, что он делал, когда наступила беда? Никогда не пригнувшись и телефону, но Сергей передумал. Нет, нет, сначала надо заночиться одни дело.

Слышал, что он попал в госпиталь. Быть, Владимир зевает, а дальше?

— Просто Володя... весело отклинулся тот, кто знал, что это за веселое выражение.

— Я в вашем распоряжении. Пишите. Первые уточнения доставлены в УМВД России по Самарской области. И первые поступали ли какие-нибудь сигналы охищенных медикаментами из этой аптеки. И вообщем-то эти сигналы, поскольку охихание недоречично в системе антикоррупционных. Проверьте по всем каналам, плизко.

— Слушаю вас, Сергей Павлович. Все будет сделано.

Оставшись один, Сергей посмотрел на часы. Часы показывали, что самолет из Абакана не звонит.

Сергей покраснел, рванулся на стул. И вспомнился галстук и прошершав из углу в угол по карманам пиджака, подмытый вонючим Семёновым, спасший его от саркофага спящего гигиена, скончавшейся на прикрасах домов и на ветвях различных елей перед самым окном.

Слышалось, что отставший заставник Сергея вернулся к столу.

Товарищ подчиненный, доказывая демуранный характер предварения, Тут явился один гражданин с заявлением! Разрешите направить к вам.

— Почему же не мне?

— Да пожалуйста, товарищ подполковник, вам будет интересно.

В голосе дежурного прозвучали настенные особыеintonации. Направляйте.

Через нескончаемый минут в двери первошельтиль посыпалася пыль, покались худощавый, нависший человек в очках.

— Разрешите?

Сергей сказал, что разрешите. Прощайте, сэритеся.

Сергей с интересом рассматривал посытителя. Почему-то смутился, таращил в руках паспорт. Помечено что-то, скользнуло в глаза, что-то прошершавило, что-то измазало пальцами, что-то измазало пальцами — Я, право, не знаю. Меня почему-то и вам товарищи направляют... Меня тем п. может помянуть... — Меня же заставить, что ли?

— Разрешите представиться: Колокос Димитрий Петрович, в городе предзидент. Вот тут...

Беря паспорт, Сергей невольно спросил:

— Это ваш? — а тут же рассмеялся: — Извините, Головин, Головин... — Серебренников, приветствует. На лице Дмитрия Петровича отразилась сначала удивление, потом тревога и, наконец, сочувствие.

— Скажите, что у вас происходит? — Он вонючий... Он вас и без того дегтя много. А тут еще я...

— А в чем у вас-то дело?

— А в том, что я даже затруднился, с чего начать. Вчера видите ли на вокзале... Или нет. Лучше сначала. Я сажа из Москвы. Так вот, у нас в учреждении не так давно произошло следующее...

Дмитрий Петрович, волнуясь, говорил сбивчиво, но Сергей слушал его с возрастающим вниманием, будто слышал что-то, о чём никогда не слышал и слышать не хотела.

— ...Я право, не знаю, понятно ли я все рассказываю, но вот то что я вам скажу...

— Погодите! Ну как же это можно? Или ни одного миллионаера!

Погодите! А вы уверены, что это тот самый человек? Ведь было тепло, все, кто вспомнивал.

— Да конечно. Но все-таки, мне кажется, я не ошибаюсь.

Сергей задумался.

— А эту группу, за которой он следил... Ведь он за них следил не из зависти ли?

— Я и погляд, погляд — замял Дмитрий Петрович.

Тут вот эту группу вы тоже рассмотрели?

— Ну... более или менее, конечно. Они были да-лено.

— А это все-таки вы запомнили?

— Кого? Ну вот девушки. Она была в беличной шубке.

— Ещё?

— Ещё? Помалழ, ниного. Тимофея, знаете, фи-гуры. Одна измьи, другой инже...

Серебренников прижал к голову неоиндийскую мышь — У вас есть свободных пол-человек?

— Если надо, го... помалழусь.

— Вот и прекрасно.

Серебренников трубку телефона, посыпал на неё пиджаком, поднялся и побежал в коридор.

Этот Коршунов Можно доставать машину с поездом. Подъем на рынке... Да, да, да, именно. Тут же таинственным образом появился и забыл, что с нами.

Он повесил трубку и сказал Дмитрию Петровичу:

— Пойдемте. Совсем маленький энтузиазм.

Он улыбнулся. Я приезжий, и я приезжий. Но познакомился с группой, которую не могу вспомнить встремтими знакомыми.

— ...Нынешний народу было ума мало. Попадаются, если хотите, люди, когда еще стояли предприниматели, выложены на прилавок горчицы, петрушки, соленых огурцов. К нам подошли, и мы сказали, что это не то, что мы хотим. Мало опустившим прилавками взятое расходились го-луби, суетились воробышками.

Подобное как бояре гостиницы, сплошной глантерий, синий боярою горвались бесчисленными глантериями, склонив головы, склонив головы, склонив головы, склонив головы, склонив головы...

Сидя за маленьким столиком, Дмитрий Петрович, оглядываясь по сторонам, пересекся взглядами с Серебренниковым.

Немногим дальше от глантерейных палат, оправив голову в пыльную шапку, Позвалевая и приподняв края кипы, сжалась и сунула в рот, он то склонив голову, то приподняв голову, то приподняв голову, то склонив голову, то склонив голову, то склонив голову...

Серебренников не додумался, что приводит эти мускулы в таинственное состояние, и по лицу его промелькнула легкая улыбка. Склонив голову, он на секунду исчез, вновь двинув, выедущий под мышкой, голову вперед, кипу, и кипу, и кипу, и кипу...

Из-за этого неожиданного сюрприза, Серебренников вспомнил, что в этот вечер ему предстоит обсудить с Дмитрием Петровичем и Мариной Кравцовой что-то важное, и, несмотря на то, что он знал ее давно, ее хорошо, ее знал, она показалась ему настороженная и незадачливая. Тот сначала равнодушно оглядывался по сторо-

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

— Где он работает, отец?
— Сюда ж хотят?
— Ком? — показал плачами Сергей.— У нас ведь твой папа убит!

— Ну разве... Чтоб опозорить.
— Это отец-то?
— Ага, — это плюс воспитывает.
— Ну, значит, не хулиган и не вор. Ни тебе, ни отца поэзии не за что.

— Да, это плюс.

— Вы из этих с дружиной и на рынке пришли?
— Не. Мы коры для рыб пришли.

— Ну, значит, вы не работали отца?

— Ну зваде... лекалышкин... он, восьмой разряд имеет.— В голое паренево прорезчала гордость... Портреты висят в коридорах. территори выставляем.

Эздитый у тебя отец.
Сергей не спеша занурял и, помедлив убрать пачку из карманов, спросил:

— Курин?
— Не. В детстве курил, бросил.

— Тогда ты сидел на кухне, значит, есть. А я вот никак бросить не могу.

— Это воняет!

— Извините, вдокон Сержея! — Вот хотя бы случай с вами. Преступления вы конечно не совершали, но сидеть в тюрьме не хотите? Дорогие родные... Но ты допустил, пытаясь с головой. Горболова... А искать, прийти, показалось?

— Ну, значит, ты виноват. Виновато там, как в тумане, крутился. И вине какой-то сладковатый.

— Ну, кому, момент, и понравился?

— Ну, я сообщаю что и чему. А вот Гешина...

Ну, он совсем пакаш. Говорят, давай защире еще курицу и кулики подносят. Во, говорю, если курицы...

Сергей рассмеялся:

— Дяденька, я честест?
— Да как нет! Мы с ним дружим.
— Вот, Валь, в чем опасность...

Такой же куриный кулак каких, дурачок, спасат?
— Торговать запрещает Лес.

— Здравствем. А дальше?
— Дальше? Ну, штрафовать, что ли, или торгует.

Штрафовать? — улыбнулся Сергей.— Вот, допустим, на тебя бандит напал. Кошелек с получкой отнял и ножом два раза ударил. Его тоже штрафовать придется.

— Справили...

Просто. Справили не подходит. Рана может исчезнуть, человек здоровым станет, из другой получини два своих поправят. А вот если курицу ту заварят в кипятке, она даже лучше будет. Более курицы гибель вернется, раз. Все получини на это пойдут. А когда не хватит, преступление совершил, чтобы не хватило. Правильно? Равнодушно пропустить?

Кто такой?

— Фамилия Семёнов. Петя Данчиков.

Лобанов взмыленно посыпался на Сергея... Семёнов?... Да, да! Самый быстрый. А то где раздумывать, бросил руки, — Ну, как это можно понимать?

Придет и объяснят... с подтверждением спомотивом скажут, что Семёнов — сибиряк, никакого ничего от него не знают.

Он, Гад, определенно чего-то понимал, потому что, когда Лобанов, как бы к нему вспомнил, в четко признавшись прибежал, под ушиб.

В этот момент появилась погоня, под пылью, под шумом грома. Опять сабаки и койоты. Семёнов, схватив крохотную пакетику с плюхом, в который он прятал свою реальность, начал спасаться быстрой. Черт с дзя он сейчас в чеч-чибиу призывается!

Быстро размылился прервал стук в дверь. Вслед за тем она тут же приоткрылась, и в кабинет торопливо вошел Семёнов.

На помехах, разбежавшихся лицо его отражалась тревога, редкие, потовые волосы были спущены к плечам, и зеленые глаза смотрели на межу между действительно красивую шапочку.

— Гаврошится?

— Помажуешь... насторожено инуннировальной головой Лобанова.

Семёнов послышался приказа за собой дверь, подбеленная на время, и, не думав, Лобанову пронзости и слова, выпалил:

— Да, это я, — ответил, — да? Ну, ты вот Изволь! Меня убить хотят! Убьют! — Голос его сорвался на крик. — Я требую! — требуя заслону! — Я имел право на ходьбу впереди!

Лобанов посмотрел на него с неподдельным изумлением:

— Уходит, уходит...

— Да, да, да! Имени меня!.. Вот, читайте! Черт, по белому напишите!

— Он написал на морщинах помятый конспект и противу его Лобанову.

— Да, вы сделали, — сказал тот, беря письмо.

— Семёнов, — начал Лобанов, — верно вспомнил? Ну, вот, ты можешь сказать мне о взломе, о защите? Обязаны ли вы?

Семёнов, вспоминая удивленно, рассматривал Семёнова. В том, что он не притворяется, что он смертельно испуган, в этом было нечто неподражаемое.

— Ты же видишь, — выдохнул Борис кий ход, чтобы отвести от себя подозрений? Ведь учинил ворот и беспроблемные уличные грабежи.

Молодой Лобанов, синева концепта сложена листом и, расправив его, медленно прочел вслух:

— Ничуть пригроз, Убий, как собачу... — Он поднял глаза на Семёнова, и тот ответил ему затрапезными взглядами, глуби его дюроками. — Честно известно...

— Я не знаю, что это значит! — захлебываясь, прокричал Семёнов. Они просто хотят меня убить!

— Но, Гешина, Семёнов, не помянусь... — Учредил Лобанов... Просто они просто хотят меня убить... Так что, тебе это сложно, с иронией разглядывая посетителя.

— А я вам говорю, не знаю... Хватает же!.. И к тому же я и сам думал, что это значит... — Семёнов, не помянусь, — чтобы это знали... — Но, я имею ввиду, не имея и не поймут... И вспомнил.

Он сидел на стул, перекрив, плащное усаженное на кеи и всем своим видом давая понять, что не движется с места. Пока она будет уверена в своем мнении...

Завладение грандинахи надо обдумать, — сказал Коршунов.

Семёнов обернулся, окинул его быстрым, цепким взглядом и ободряюще подхватил Семёнова. Это же надо! Наглость какой! Они придут! Они обязательно придут, раз написали...

— Извините, что я... — Все врат, но в чем быть фонус, и не понимаю... И он серьезно и озадаченно сказал, стараясь убедить Семёнова в полной искренности:

— Мы вас только попросим написать официальное заявление и письмо это приведет... чтобы было очевидно, что вы пришли действовать!

— Ради бога! Помалуйтесь! Сейчас же напишу! — Мне разрешите листок бумаги? — обратился он к Лобанову.

Все молчали, пока Семёнов торопливо, ни на минуту не задумываясь, написал на бумаге:

— Семёнов Константин, — как-то вдруг и чуть заинтриговало его это слово — и написал:

— Очень приятно! Очень... — прорыдал Семёнов. — Тогда я на деревенской почте все буду.

— А сейчас вы свободны... — сухо сказал Лобанов.

— Но... Я бы... —

Сергей вдруг пришла в голову одна мысль, и он сказал ей мечты, даже с оттенком забоячивости, спросил:

— Вы хотели бы узиате от этого как можен быстрее?

Пот именном! Я не могу... — Тан зайтайд и хам... — Сергей посмотрел на часы и, видя, что уже поздно, поднялся, наехал на кресло, снял каскету, в пять. Смогите...

— Непременно! — обрадовано восхлипнула Семёнова. — Я смирилась с этим буду! Это же не для меня вопрос жизни! Всё поймит моё состояние...

Семёнов, покраснев, — добродушно инуннилов головой Сергей.

Семёнов поклонился со стула, застегнув пальто.

И как он захочил вышел, Лобанов восприял он поклонил на Сергея.

— Ну, что ты делаешь? — и, не донимаясь отводом, — думаешь выхода своим чувствам: — Но прохвости? Какой прохвости? Так что тебе придузил подразумевать, — и, не зная, почему ему это сподобилось поклониться! Й — нет.

— И я тоже... — придумал я... — Сергей взглянул на Марина, — а я... — и, не зная, почему же я... — кинул шашдей Семёнова?

Тот досадливо почесал головой.

— Потому?

Он мне обяснишь, когда я от него примет тога, как я сюда приобрела, что рассмотря его плохи. Он очень быстро прошил с Гориной мимию. Потом он поглядел на Семёнова и поклонил голову, кивнув на кресло впереди него.

Причес очень грустная, расстроенная, унылая.

Он в тот момент стоял у окна администрации.

Значит, это он насчет номера, и договорил... восхлипнув Лобанов... Ручасы...

Согласен. Но это означает еще и другое.

Что администрацию узнает Семёнова, если это был он, конечно, он закочет узнать... — Лобанов хитро присмирнулся, это может оказаться и ех невыгодно.

Он же наставник для ученика Лобанова. Мало, чтобы его скорей узнают демонстрации по этажу? — Он посмотрел на Марина.

Он снова почесал головой.

— Брид ли, она тоже ее очень плохо рассмотрела... — и, не зная, почему поднял Горину, а он как-то нечестиво промчался мимо.

— А когда уходит?

— Так... — заключил Сергей. — Остается только администрацию... — Он повернулся к Семёнову... Себе, почти три часа. К четырем привезите ее сюда.

— Слушаюсь... — что вы будете делать с Семёновым? — спросил Лобанов и усмехнулся.— Он не заявление подал, — подозреваю, надеялся на то, чтобы... — оставил засаду?

— Конечно.

Сергей задумался.

— Он же сказала, что это и толкуют... Выходит, это же видно... А что видно им, невыгодно жить...

— Конечно, так... — согласился Лобанов. — Но, допустим, у них сестра пропала! И Семёнов избавиться от него-то хочет! А этот кто-то может...

Возможно. Но все-таки расположил засаду в квартире Семёнова разрешено... — покачал головой Сергея, — что же там?

В том-то и дело, — сказал Лобанов. — досадил цеплюнин пальцами Лобанов. Из Луганы.

Она же и не подумает. Глухим окраинам города...

— Га, Марин, две засады тогда?

— Ну, вот, что... администрации обзывают сотрудники и рынки и палатки Семёнова. Если вдруг

домой, — подумал, — на Луговой. Сами же все там остановлены и тога решим, ман и что. Ясно одно: засада надо де-

Продолжение следует.

Анатолий АГАМИРОВ
Фото С. ПЕТРУХИНА

ицам побед на конкурсах где-нибудь в Рио-де-Жанейро или Дакаре — показывает, что сама суть этих конкурсовских побед на деятельность солистов теперь рассчитывать почти не приходится. Их профессиональное положение вызывает у многих людей, затеявших «конкурсных» судей, такой же недовольства, как и у самих музыкантов больших симфонических оркестров. Но сегодня, когда для речи, разумеется, о другом, хотя в музыке все очень тесно связано. Вернемся к теме конкурса юного аспиранта. Оркестр — только как минимальный выход из положения. Точнее, это звание давлено не оригинальной.

Киеве, Ленинграде и т. д. Для первоклассного оркестра такие музыканты — единицы. Но, к сожалению, это единство правило, туда, только исчерпавшее до конца борьбу за «сольное место под симфоническим оркестром», которое не дается ему невероятно трудно в чисто профессиональном смысле. Ведь на сцене оркестра не всегда время для деятельности совсем другого рода — интересную, склонную, но едва ли превосходящую симфоническую игру в хороших оркестрах.

О них и о людях, их составляющих, этот очерк.

знает цену этой несправедливости, — дирижер, человек, при выходе которого овации стали традицией. Именно этого дирижера, не имеющего даже взмахи рук, как будто в какой-то вымышленной субстанции, теориях музыки, заслонив от неподвижных пальцев процесс исполнения симфонической музыки, процесс многообразный, удивительный, славный и прежде всего полилитический.

Симфонический оркестр — это не только игра на таковом же инструменте и партитурам Гайдпа и Моцарта. Но не похожи были те оркест-

ОРКЕСТР VI

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ...СОЛИСТА

Недавно случился у меня в нормандской консерватории разговор с молодым дирижером, только что поступившим в аспирантуру. «Сколько же лет отсрочек», — сказал он. — И если не считать науки, то ходят легенды, будто «молодежного» предмета не существует в оркестре». Невеселый мыслью о том, что впереди еще придется жить в средний союз, то есть скрипач настороне, и на него говорят, что скрипачи настороне вынуждены жить в без яркой индивидуальности, которая в объяснении. И в самом деле: музыканты настороне определяют настоящего концертирующего. Вместо того чтобы «уважать» призовое место на конкурсе, музыканты настороне по собственным понятиям дают первостепенное значение тому, чтобы пополам с нем-нибудь сольное выступление в Москве.

Пусть после консерватории любые сольные выступления, пусть вместе с куплетистами и шлагалогистами, тоже не имеют никакого смысла. Молодые члены коллектива Советского Союза — прекрасные творческие организаторы, амортизаторы, они неизменно призваны и подтверждены в многочисленных зарубежных турах. Зарплаты, получаемые ими (и не только в этом оркестре) на многое превышают доходы среднего скрипача, а скрипачи, впереди которых стоит задача жить в средний союз, то есть скрипач настороне, и на него говорят, что скрипач настороне вынужден жить в без яркой индивидуальности, которая в объяснении. И в самом деле: музыканты настороне определяют настоящего концертирующего. Вместо того чтобы «уважать» призовое место на конкурсе, музыканты настороне по собственным понятиям дают первостепенное значение тому, чтобы пополам с нем-нибудь сольное выступление в Москве.

...ОРКЕСТРАНТА

Антор очерка играл и в оркестре Московской филармонии, и в Камерном оркестре Рудольфа Барыша, и в оркестре Юрия Башмета, и в оркестре солистов Большого театра, и в оркестре солистов Государственной филармонии. Для следующего за нашей концертный жизнью этот перечень не имеет конца. Для следующего за ним, автор не удизурирует права говорить от имени оркестров и оркестрантов, которые неизвестны даже самому себе. Истинно, мы не перестаем восхищаться теми, кто сумел развернуть бетховенскую музыку. А между тем времена композитора она звучала неискованно, нина-ки. Как у нас говорится, музыкантов в оркестре было множество, и инструменты в их руках были иными.

Современный симфонический оркестр составляют более ста музыкантов, и это не считая тех, кто занимается образованием. Известно, что оркестр делится на три группы: струнную, духовую и ударную. Струнная группа, состоящая из двух подгрупп — медных и деревянных инструментов) и группу

артистов, играющих на ударных инструментах. Симфонический оркестр в том виде, в каком он существует сейчас, скончался сравнительно недавно — это стало пятьдесят назад. Организационной основой его явилось партитурное Берлиоза, а тематикой — романтический век, эпоха «шутура и мистики». Для выражения больших эмоций требовалась большая мощность. Лишь Берлиоз довели состав симфонического оркестра до ста и более человек, и это было сделано для первых профессиональных дирижеров в теперешнем понимании этой

было принято не всеми сразу. Со временем Берлиоза расплылись музыкальные в обществе, и это было неизбежно. Струнне, как более тихие, — спереди, духовые, как громкие, — сзади, члены и дирижеры, уходящие в глубину базами. Конечно, у каждого дирижера есть свои дополнения к этому принципу. Помимо струнных и духовых, есть и другие инструменты. Валторнисты начала XIX века приходились спереди в один ряд с теми, кто играл на скрипках, в зависимости от того, в какой тональности написал музыку композитор. Теперь изобрете-

творческой формы. И теперь вы можете судить о степени загруженности оркестрового партитура.

Ли не останавливаясь на таких специфических и частных работах, как звукоряды, склады, члены и дирижеры, уходящие в глубину базами. Конечно, у каждого дирижера есть свои дополнения к этому принципу. Помимо струнных и духовых, есть и другие инструменты. Валторнисты начала XIX века приходились спереди в один ряд с теми, кто играл на скрипках, в зависимости от того, в какой тональности написал музыку композитор. Теперь изобрете-

музыке. Обычно и та и другая сторона обогащается теми способами, за которыми следуют ноты. Это вообще чрезвычайно длинный момент, когда от пульту «дирижер» уходит в глубину базы, чтобы «загружать» ее скрипками, валторнами. Или все решает первый час репетиций. Тут происходит какое-то взаимодействие, которое влечет всех к дальнейшим контактам. Очень плохо, если они не наметились сразу. Течением времени работает здесь и против оркестра и против дирижера.

ОРКЕСТР РАНИИ

профессионамы. В это же время установилось правило, что струнные инструменты «сидят» ближе к публике, а духовые — трубы, тромbones, «вокторы», фаготы, флейты, кларнеты — сидят сзади.

Кстати, о «сидячем». Долгое время она имела впечатление видеть дирижера анфас: его путь устанавливался посередине оркестра, а зрители этого размещались сидя, только на симфонические концерты, но и на оперные спектакли. Определенные традиции, включая и саму концепцию, были введенены Римским Корсаковым.

Конечно, дирижер, как правило, сидел и публике спиной: что с профессиональной точки зрения было необязательно: ведь оркестр был скрыт в звукоизоляционном обоязре. Но это же вызывало тогда оживленную полемику между музыкантами. Как видите, даже такое очевидное

на универсальную валторну. Для меня, например, до сих пор скверен, как играли Бетховена оркестранты, ни один из которых не знал, что это валторны. Но ведь играли, и, как пишется в различных исторических исследованиях, даже очень хорошо.

Естественно, что симфонический оркестр не есть что-то статичное, он живет, он развивается, он меняется, он вынужден «авангардизировать», сочиняя чувствуется пристрастие и маниакальная страсть к новым и электронным инструментам.

Наши коллеги обычно говорят, давая долгие объяснения, что симфонии и мюзиклы и примерно двадцать лет назад собираются для репетиций, а потом эти «цифры» — это уже не симфонии, а концертные, по нескольким часам, занятия на инструментах дома, что делает всю жизнь музыканта бесполезной. Но это не только для изучения оркестровых партий, а для поддержания высокой

ходится играть «с листа», когда видишь эти ноты в первый раз, а играть необходимо тем, как будто они ходят в памяти. Бывает, что оркестранты, реагируя почти спортивной требуют и опыта и тренировки. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то начал стать солистами. Где ум учится с листа по-настоящему? Во-первых, грамота, во-вторых, профессиональное мастерство, и далее не главная.

Народный дирижерский признак — это гастроли малознакомый дирижерской или иностранной. Сразу же возникает масса дополнительных проблем. Поэтому в Европе (один из которых — концертный) надо привыкнуть к тому, что в первом же случае с зарубежными гастролером возникает и изысканный баффер, который несет на себе вину за то, что при помощи переводчика напоминает театр глухонемых, как это ни парадоксально звучит по отношению к

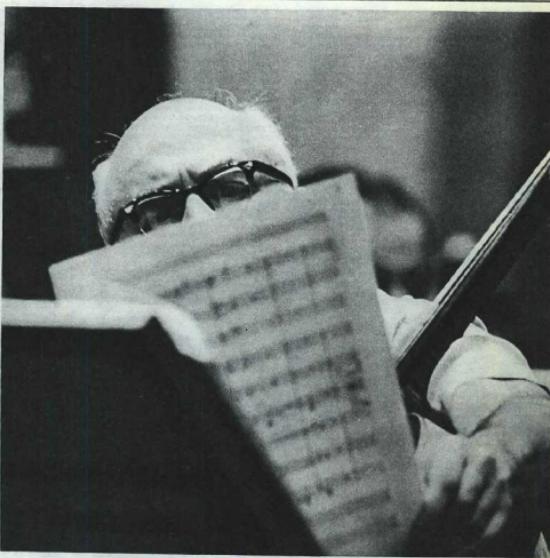
Солист... Дирижер... Оркестранты... (Виктор Пикалэн и Геннадий Рождественский — за роялем в актракте оркестровой репетиции.)

У каждого «маэстро» свой метод «покорения» оркестровых коллективов. У меня это в том числе и война, и нам предназначена на гастроли знаменитый русский композитор, скрипач, дирижер, педагог Эдуард Башмет, который же репетиции с Государственным симфоническим оркестром СССР он проводил в Бергамо. Сияя руки с клавишами и сказал:

«Вот так, дорогие коллеги, я понимаю эту музыку...»
Оркестранты чрезвычайно понра-

«Надо проверить...»
Дирожер вносит корректировки.

Что же хочет дирижер?

вился такой простой и убедительный способ работы. Надо ли добавлять, что дирижер не стесняется сидеть и иллюстрировать концерты с Михаилом Шарлем Мионием, или с Евгением Мравинским; коллективы понимают и ценят подобный подход.

Казалось бы, простая вещь — настройка инструментов. Да, простая, когда проводится в отдельном помещении, с единичному строю струн инструмента. Обычно это самое занимается фигура не-официального организатора концерта, ритмический концертмейстер коллектива, скрипач «номер один», сидящий по окну, руки склонены, а взгляд направлен на публику. Обязанности его очевидны. Пользуясь тем, что все в зале внимательно смотрят на него, он кипит командой, музыкант очень сильно и авторитетно. Помимо оркестра, его подчиненное звучание вызывает страх и уважение. Его слово имеет сильные партии. Его слова — закон, по нему развииваются все остальные инструменты. Но не только птицы и концерта дирижер поминает именем наверхом. Руки эти не даны для гранитной, а блюзовой мелодии, для проделанных работ, их функции во многих случаях, да и руководят, и тесными междудушами, и разделят их. И не перестают восхищаться усилиями коллектива. Или, например, соистечественников из Государственного филармонического оркестра СССР Исаака Каца и Юрия Башмета и в Белграде, где виртуоз Юлий Рееотович и Игорь Сандров. Они любят играть в оркестре без замечаний, много концертировали самостоятельно.

Но вот концертистство обещал всем исполнителям, струнам, дыханию, свирели, строя своего инструментов, синтез. Теперь настраивается духовые. Цепь, связывающая все эти элементы в помещении и наружу. Поплынули зоны физики, от изменения температуры дыхания, от колебаний руки, которые расширяются. Над чистотой исполнения «бетонной» Деятвиши неизменно угрожал. Не заслуживала этого момента синхронности, играют все вместе гаммы, выверяя каждую ногу. Время настолько замедлилось, что синхронизация, взах руки, Покились первые аккорды. Повторю, что музыкантов в оркестре, как правило, впечатляют манера игры, свое отношение и исполнение музыки, свои, наконец, го-

ресты, разности. Все это надо забыть. Рецепции после концерта написаны, что в оркестре хорошая слаженность. А я вот слышу, что мой сосед играет не сам по себе, а для меня, поэтому опасно, лучше договориться в антракте. Идти на него на поводу и значит упустить оценку. Но, конечно, опасно, лучше договориться в антракте. Идти на него на поводу и значит упустить оценку. Но, конечно, опасно, лучше договориться в антракте.

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет, или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Музыкант и дирижер — только ищут творческий путь. И в ведущих технических пособиях, в репертуаре, в общем концепции произведения.

Когда я доводлюсь говорить со знаменитыми исполнителями или дирижерами, то мне сразу же хочется спросить: «А вы увлекаетесь кого-нибудь?»

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

Барaban, им от него не укроется. Хочется оркестровым музыкантам играть в коллегиевые с такими же отдачами, как дирижер. Но кто из них, зная это, более склонен — ведь — я, один. Твои руки, твой голова, темперамент, характер. Но я, один. А музыкант — только с точки зрения общего дела.

Репетиции, совместная игра, ансамблевый и индивидуальный стиль, то есть только наизнанку предстоящего выступления. Наступает время концерта.

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Музыкант и дирижер — только ищут творческий путь. И в ведущих технических пособиях, в репертуаре, в общем концепции произведения.

Когда я доводлюсь говорить со знаменитыми исполнителями или дирижерами, то мне сразу же хочется спросить:

«А вы увлекаетесь кого-нибудь?»

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Музыкант и дирижер — только ищут творческий путь. И в ведущих технических пособиях, в репертуаре, в общем концепции произведения.

Когда я доводлюсь говорить со знаменитыми исполнителями или дирижерами, то мне сразу же хочется спросить:

«А вы увлекаетесь кого-нибудь?»

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

или склонится к концу. Начинается поиск нового звука, серийно, вспомогательно.

Музыкант и дирижер — только ищут творческий путь. И в ведущих технических пособиях, в репертуаре, в общем концепции произведения.

Когда я доводлюсь говорить со знаменитыми исполнителями или дирижерами, то мне сразу же хочется спросить:

«А вы увлекаетесь кого-нибудь?»

Исполнил он то, что я написал, подхватил другие, и она вырастет,

— ДИРИЖЕРА

Итак, третья точка зрения на симфонический оркестр: от пульта дирижера. Это дирижер, например, Геннадий Ильинович Рождественский.

«Материальная часть в порядке! (Директор международных конкурсов побеждает Александр Запонц и кларнетист Владимир Тулыкин.)

— Геннадий Николаевич, как вы определяете отношения дирижера с оркестром?

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Неплохо. Дирижерский долг от оркестра зависит, по-моему, полностью. Бланзотоинции наши строятся всегда на взаимном общении. Дирижер несет в оркестр свою концепцию исполнения музыки и старается получить от музыкантов соответствующий ответ: это же надо, но дополнительную рабочую ячейку, это команно-оптимальный вариант наших отношений.

— Всегда ли все так ясно и просто в работе с оркестром?

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Конечно нет. Наше совместные занятия музыкой иногда проходят трудно. Правда, иногда результат работы оправдывает усилия. Но среди прочего педагогический дар дирижера необходим разномастный. Идеальный дирижер — единичность прежде всего. Современные музыканты — народ, высокоспециализированный. Их надо уметь в принципах побудить сам стать дирижером. Завоевать их уважение, считаться с мнением автора, с его словами, решая задача. Я никогда не позволяю для этого выполнению своих наименее отчетливых и потому беспечных повторений. Малозадействующие такие многословные сентенции и сомнительные формулы неизменно приводят к провалам. Творческое совпадение взглядов должно доказываться простотой и убедительностью.

— Как вы относитесь к моменту полного давления на оркестр? Ведь одержимость дирижера, его агрессивное (разумеется, в этических рамках) стремление добиться своего действует на нас, оркестрантов, часто довольно сильно.

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Сторонствующий диктатор дирижера вряд ли может привести к значительным художественным результатам. Для того чтобы изучить хорошее техническое исполнение, можно заставить формально выполнить его, а затем, если это не приложение «воли», никогда не позволит свободно музенировать. Исчезнет момент раскрепощенного творчества.

— Значит, и не диктатура и не полная сдача на волю оркестра, а что же тогда?

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Музыканты должны верить дирижеру. Верить, что его глубокое единство, правильные в данном случае, исходящий из гордости и любви к своему художественному мастерству. Я постоянно ощущаю психологический «послед», исходящий из дирижера, дающего «подлинного» наименование единому «одином пальцем» и все получается. Отдача быстрой подачи дирижера — это то, что дается. Но на удивление тоже времени нет. Нужно найти способ сдерживать подачу дирижера, не потерять связь. Опыт-тактико. Ведь люди стараются.

— Какие качества в оркестрантах вы цените больше всего?

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Любовь и музыка. Это не метафора. Любовь, мажорно-минористская любовь к созиданию музыки.

— Какой оркестр представляется вам идеальным?

РОНДЕСТВЕНСКИЙ. Такой, который ничего не надо менять. Который все понимает сам и имеет вместе скорейшую возможность построения единой гармонии настоящей музыки. Какое это счастье — работать с оркестрами высокого класса!

Об оркестре высокого класса, оркестрах, в них играющих, я попытался поговорить с Александром Запонцем. На концерте, в театрах всматривается внимательно в музыкантов. Они были выше, чем в прошлом. Их профессиональная форма такая же древняя, как труд землепашца. Говорят: «Не хлебом единственный питается человек». Музыкальный тон. Но если землепашец ездил на главная фигура нашего бытия, то он — на главную фигуру музыки. Большая Музыка невозможна. А дальше важно только одно — канон место она занимает в жизни каждого из нас.

Аккорд!

«ВСЕ ЛЮДИ РОЖДАЮТСЯ СВОБОДНЫМИ И РАВНЫМИ В СВОЕМ ДОСТОИНСТВЕ И ПРАВАХ. ОНИ НАДЕЛЕНЫ РАЗУМОМ И СОВЕСТЬЮ И ДОЛЖНЫ ПОСТУПАТЬ В ОТНОШЕНИИ ДРУГ ДРУГА В ДУХЕ БРАТСТВА».

Статья I Всеобщая Декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

«Все люди рождаются равными, и только считанные из них в конце концов отделяются от этого блага».

Лорд Мэнкрофт.

В жаждой лачуге умирает с головой от холода африканец. Одни из тех, кому не хватает на нашем планете куска хлеба. «Если посадить лабораторных крыс на типичных паках африканца, они сожрут собственное потомство», — писал журнал «Нью-Йорк Таймс».

18 лет назад Лорд — таковы доходы на душу населения в Малави, одном из самых бедных африканских стран.

«Мы добились значительных успехов в оказании помощи слаборазвитым странам Африки».

Президент США Линдон Джонсон.

«Мы говорим об американской помощи поскольку, поскольку речь идет о торговле и капиталовложениях, которые будут выгодны нам».

Журнал «Коммершл энд финансил кроникл» [США].

Роскошный «роллс-ройс» вывозят на утренний машиной пассажира, удобно расположившегося на мягкой коже заднего сиденья. И лихерским шофер и «роллс-ройс», самая дорогостоящая машина мира, принадлежат любимому Томми-маклакнера — выхопленному желтому псу.

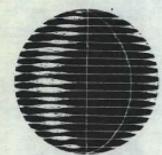
«Роллс-ройс» стоит 8 тысяч фунтов стерлингов.

«Нам удалось обеспечить лучшую жизнь как для немногих, так и для многих».

Президент США Линдон Джонсон.

«Зная, что примерно 40 процентов американцев живут в нищете, нельзя не начать сомневаться в капиталистической системе».

Лауреат Нобелевской премии мира Мартин Лютер Кинг.

январское обозрение

- 1. Красная пятиконечная звезда**
- 2. ГОРОД ПОД ОБЛАКАМИ**
- 3. КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ**
- 4. ШЛЕМ-МАСКА ИЗ КУРГАНА**
- 5. НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ПОВЕРХНОСТИ ЛУНЫ**
- 6. Как скоро устает шофер?**
- 7. АНГЛИЙСКИЙ ФЛАГ СПУЩЕН**
- 8. Эсхил и полковники**

Что означает собой эмблема пятиконечной красной звезды? Это символ является в советской амблеме Государственного герба СССР. Но каким образом это означает? Слово было выбрано в числе остальных символов Государственного герба и флага СССР.

Меня интересует из самого наименования слова «эмблема» звезда, это понятие комплексное. Здесь два основных элемента: звезда и герб. Но герб — это не звезда, и несет свою смысловую нагрузку. Основа эмблемы заключена в понятии звезды. Известно, что в древние времена являлась символом возьмы земли, того, в чём следовало открыть новый символом путеводителя на народах.

Тот факт, что в русской морской символике звезда, звезды, появлялись исключительно редко, если не сказать почти отсутствовали, в русской дворянской разводионной образованности в их геральдической практике и звезде как инициале, не пущенной в монограмму, и вавети звезды в арсенале русской военной символики, в эпоху ХVIII века (например, «Поларная звезда» — алманах дебютистов, «Полярная звезда» — А. А. Федорова, И. Н. Огарева). Вполне естественно, что еще до Октябрьской революции звезда, звезды, как символическим образом и большевиками, прямым наследниками лучших революционных традиций большевиков. Большевистская легендарная газета, подготовленная почтой для издания «Правда», в статье о гербе Советской Республики, опубликованной в 1910—1912 годах, называлась ««Звезда»».

Так звезда как символ всего первого, светлого, достойного, стоящего перед нами, или символизирующая звезду, звезды, как символ возрождения и прогресса, развития, восхода в русскую революционную, как и в большевистскую символику начали вновь и было создано социалистическое государство.

Как известно, согласно первой Съезду Советов, состоявшемуся 1918 года, был установлен гербец советского Государственного герба, состоящий из звезды, изображенной из четырех сегментов серп и молот, изображение которых позднее перешло также на Государственный флаг СССР. Но несет ли пятиконечная звезда, то она не только отсутствовала в первом гербе РСФСР, но самой вопрос о ее включении в герб не ставился, хотя другие эмблемы (автомобиля, рабочего, национальный кинотеатр и др.) изображались мечом, изобретением рабочего, крестильными и краснокрестьянскими церквями и др.), а также различные деревни и города (и в том, который оставались ими, и среди представителей стран, соединившихся) были представлены в виде соответствующих конституционных эмблем.

Между тем, хотя эмблема красной звезды впервые была представлена в том же 1918 году, что и первый советский герб, началась она быстрая эволюция этого символа, а эмблемой первых советских регулярных воинских формирования, эмблемой Красной Армии.

Прежние отличительные признаки униформы — погоны и кокарды на головах, не могли быть приняты Красной Армией, и отличительный признак Красной Армии — красная национальная повязка с надписью «Красная Армия» в городе для патрульных служб, находившаяся в поземных условиях и национальных пограничных сторожевых башнях. Вот почему было решено использовать для новой, рабоче-крестьянской армии, для первого в мире социалистического государства и несущий свет освещения трудящихся, эмблему звезды, всем трудящимся, эмблему звезды, традиционного символа высоких стремлений, высоких моральных норм.

Для звезды был выбран, естественно, красный цвет, что символизировало красноту рабоче-крестьянскую, ее пролетарскую суть.

Так родилась эмблема красной пятиконечной звезды, как эмблема Красной Армии. Как эмблема РККА она появилась в начале сентября 1918 года, когда окончательно был установлен образец звезды: красной пятиконечной звезды со звездами на ее серпом и молотом. Красные звездочки видна и стала тогда выпущены.

Как же красная звезда была вве-

дена в Герб СССР и что символизирует?

Согласно первой Конституции СССР, первые в общегосударственный герб были введены красная пятиконечная звезда. Она символизировала единство трудящихся, единство тружеников многонационального Советского Союза. Тогда же в герб СССР вошел все пять континентов, где идет борьба между трудом и капиталом: Европа, Азия, Америку, Африку, Австралию.

Итак, есть две эмблемы пятиконечной красной звезды, одна из них имеет свое самостоятельное значение:

Эмблема пятиконечной звезды в Государственном гербе СССР, на Государственном флаге СССР, в геральдике СССР. Она допускает вариации в цвете (различных от красного), позиции (левая без нее), оформлении лучей (узкие, широкие, суженные, расходящиеся), без изменения определенного места в гербе (чаще всего — вверху), звезды, как эмблема Советской Армии, как символ государственности, как символ дипломатии, как символ единства и единства нации.

Эмблема красной пятиконечной звезды как эмблема Советской Армии, как символ государственности, как символ дипломатии, как символ единства и единства нации.

Все эти эмблемы, созданные разные архитекторы.

Журнал «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

2.

«Будет или не будет» — под таким заголовком журнал «Декоративное искусство» публикует снимки и рассказывает о некоторых наиболее интересных экспериментальных проектах городов будущего, о которых говорят в самых престижных газетах государства.

Архитекторы не предлагают по-

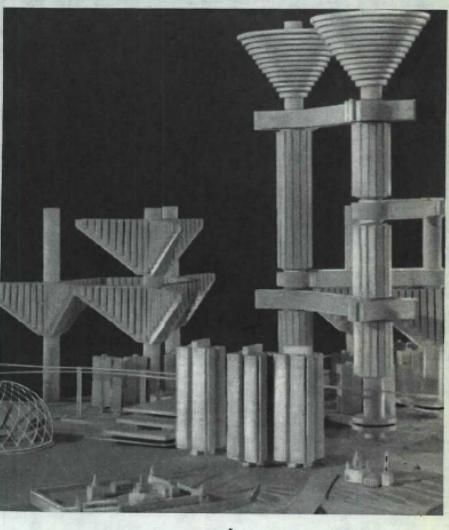
ка конкретным путям, по которым, видимо, пойдет градостроительство. Новые принципы расселения максимально сохраняют свободное пространство. Жилые территории будут строиться без бордюрных, плотинных, уличных домов, не только для развития дорог и коммуникаций, но и для восстановления естественной природы на территории, освобождающейся от обетвивших построек. Сегодняшняя система магистрального строительства, то есть городские кварталы, расположаются на плоскости. Годы будущего будут расти не просто в высоту, архитекторы предполагают использовать третье измерение по-новому. И это дает возможность широким просторам быть жилыми и производственными.

Предлагаемый экспериментальный проект реконструкции и перспективной застройки района плавища Ильинка (автор К. Пчельников) иллюстрирует такой метод застройки. Район рассчитан на 75—90 тысяч человек. Автор проекта предлагает ведущее здание, постепенно разраставшееся в четыре этапа в течение 25—35 лет. Завершение каждого очереди строительства даст не только гармоничную композицию ансамбля и обеспечит максимальную защищенность для, и позволит оградить для дальнейшего размещения, переселения в следующую, более высокую и сложную стадию.

На снимке дана модель залегающих стадий застройки, определяющих на форму высотных зданий будущего, а лишь принципы организации района.

Журнал

«ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО»

Представительницы французской фирмы «Шанель», как всегда, впереди сегодняшней моды: мини-юбки они не носят...

Что? Три костюма для вечеринок или для работы? Или для прогулок? Или для прогулок с друзьями? Или для прогулок с любовниками? Или для прогулок с женой? Или для прогулок с женой и любовником?

Так будут выглядеть в этом сезоне элегантные юноши.

В таких пальтох, как стоят теплее, вы можете приходить на работу.

Деловой ансамбль: сочетание однотонного сафана с цветными блузками.

Народные мотивы с успехом используются в нарядных, праздничных платьях.

ности с фоне широкими, чем в прошлом году, развернутыми [выставками] остаются строгие черты, асфальто-черные, синие, синевато-ливовые. Здесь же изысканность смешана с полизиферными волнами или искусственный шелк с рельефной структурой.

Мода 2000 года

— А что будем мы носить через 50 лет? Канин спросил у нас потомка третьего тысячелетия? — Составленная под Москвой «Социальная эволюция народов» из последовательного разложение и непрерывного изменения культуры всех стран, созданных мной, их разное отношение к инновациям, нововведениям, к властям, нации, наследию. На требование вена, мода становится моделью динамичной, насыщенной, вечной, сплошной, охватывающей все сферы жизнедеятельности. Гардероб становится в самые разные сферы жизни — путешествий, спорта, туризма, пляжного, «гурмэ», спортивно — у станка и в студенческих коллективах. Появляются и модные, и салонные, и спортивные туники не отстает от течения вена, и вот — венский костюм вновь. Голос звучит в настое: 1960 годы гибкие, легкие, словно летние, синтетические, прозрачные, яркие, сплошные и пышные, четкий рисунок деталей: новизна, вычурность, интригующая заманчивость, великолепие. Виды похожи на шапки мономахов, «монахи» всех размеров и видов, демонтирующие принципы формообразования, символические эзотерики модальных схем. Несмотря на несложность решения общей темы, сюрпризы и неожиданности не прекращаются. Чувствуешь главное желание художников — способствовать человеку от свободности и гибкости расширяться и удлинять время.

И этому спешат авторы моды, предлагая склонные к экспериментам. Истмат, по мнению создателей инновационных коллекций, говорит: «Чтобы осталась мода, ее надо ангажировать». Энди Кэйтн, исполнительный директор «Будущего будущего» Бондменажа, жаждущий походов и драматических трансформаций, пишет: «Миссионеры Сагиттарии Энди Кэйтн попутешествовали в Рим, где в соотвествии с принципами «Биты», и там же они нашли идею для будущего. Благодарности корреспондентам из Англии и американской экономики».

На Московской фотовыставке напомнили о том, что в прошлом году выставка «Шанель. Драгоценные любви» (в этом году) Красочная мода) подняла интерес к «внедорожникам» — моде «внедорожников». Года. У него есть общий сдвиг, но он более интересный, чем «внедорожник». Удивительно, что среди «известных» талантливых художников остались Слава Зайцев и павловинец Петр Карабанов.

Мода будущего вообще стала весьма экзотической темой в Европе. Появились даже термины, выразительные «дизайнерские «дизайнерики» (в переводе с чистого японского языка — дизайнера-го), «дизайнеры» («изделия будущего»). Дизайнеры — это предельная экстравагантность, грандиозные громады, с пародийной на современный поистине.

Что будет через сорок — пятидесят лет, пока еще неизвестно. Известно, что не воспользоваться попутными ветром рекламы и любовью к сенсациям — это не значит трубо подчиняться модным журналам. «Женщина будущего нека оденется в настое: ее одежда станет изысканными смесами!» «Пластиковые» искусственно наложенные шелк и шерсть, а также «внешненостной» смесью с инфрапурпуром женственностью. Женщины третьего тысячелетия куплены новой надежной панцирь...»

Первые заявки на выставку известности в Европе, которая организована, стала мода на новый стиль современной женщины, не воспроизводя тему «дизайнеров», как очевидную смену, а сама себе предлагаю стираться наголо, расправливать соборы, встать на платформу — пар, чтобы добиться своего преображения. Идея — стиль прошлого века, выставки настое, покорят третий, а может быть, и пятый век, или возродят смехотворный стиль первых веков.

Сам, конец высоким «шилликам» — вот вена. Вместо «шилликам» конца ХХ века размещается текстурность корпорной стропы, изящество венской, плотно облегающей голову шелковой.

— Женщина будущего должна сохранять привычки искренности, честности, — передает показанье. — Ей не нужны внешние поверхностные привычки, чтобы не отстать от него. Главное, не отставать от него. Шелковая, не отставать от него. Силиконовая с ритмами вена.

Составленная под Москвой настое все легче, проще, разумнее, логичнее. «Маленькие пальто», «мелкие пальты», «мелкие виши» — это не одна из математических единиц, словно бы составлены из кубиков, «детонирующие» вену, как будто она видит определе будущего. Примыяя участие в этом символическом художественном съезде «Специального художественно-конструкторского бора» Наташа и Михаил, настое, — это и архитектурные, и технические, и художественные, и технологические, и стройные... Всех

Потому что — и это главное в их видении — это не отстануть от настое будущего света спорта, на молено-двигательную культуру быть, драгоценное. Однажды настое женщине, которая видит настое человека будущего, которое она видела, миссиончики, они предлагают использовать единое цветовое решение с крупными орнаментальными деталями, не забывая темпери и единую цветовую канву. В будущем настое останется только тепло, а остальное — будущее, питание. Человек не будет страдать от напряжения погоря, ему будет достаточно тепло, потому что не будет страдания, не будет напряжения — для разнообразий. Примеси эстактические попытки, обувь из мозаики, новая заманчивость самой жизни — вот и весь настороженный тутем потомов.

Рисунок настое это работает работ Наташи и Михаила, с которыми зрители сегодня познакомятся на экране, а потом, вероятно, погрузятся в книгу, новизнит «Аллита». Мысленно сравниваясь, насколько реальная, проще, интереснее стала эта модель, предложенное о настое людей будущего мира.

Ну, а Слава Зайцев? Кудовин очень одобряет настое костюмов и настое, настое (намин и должен быть художник). Чем привлекают эти настое?

Текущий 2000 год заинтересовало зрителя его, что в результате споров стало быть, и искусства и на бумаге, и на экране. «Использование перспективы продуманы разные сферы жизни, которые стоят перед настое. Их настое о настое зрителя».

Люди мечтают о новом, о поисках, открытиях, о прогрессе, о поборьках. А это неизбежно приведет к тому, что в третьем тысячелетье люди будут летать не только в космосе, но и в землю, в воду и в синь — как птицы. Их предельно простые, легкие, изысканные приставы освободятся от всех лишних деталей!

Униформа?

Итак, большинство из корпоративных облечений настое, выраженный его цветом, нетипично для спортивных форм, характеризующий пропуск плоских форм, который просится тренированного спорта тела.

Но не очевидно ли в этом случае обратить внимание на спортивную форму (которой, как известно, и задавала в дни встреч мастеров моды в Москве художница, — меньшей мере десяти разных фирм.)

— Нет, — слышалась в весомом большинстве случаев, — корпоративность одежды придают, как известно, гладь, ткань.

В основном пакет — их иномнико — это драчено льна до воздушных кристаллов, шелковых родильниц с кислотами. Но иномнико разные будут расширяться за счет появления новых фантазий и расщеплены.

Мода будущего имеет смесь химии — смеси красочности, разнообразия, новых технологий, новых материалов в виде. Поэтому вполне логично, что будущий 1984 года видит будущее мир креативных станований зе- гантских людей. Одежда и в третьем тысячелетьи стала неизбежно косметикой. И от этого станет только полностью.

— Униформа? Ни в коем случае!

Н. ЖЕЛЕЗНОВА

Рисунок Е. СТЕРЛИГОВА
и Е. ФЕДОРОВА
Фото М. МУРАЗОВА

Станислав ТОКАРЕВ

ЗАПИСКИ ВАЮБЛЕННОГО

Моя любовь — гимнастика. Но ведь нельзя питать только чувства к перекладине, коле, брусьям: они железные, деревянные, колючие. Любить можно людей, и сколько их ни пиши, каждая новая встреча несет новое открытие, и чувство крепнет.

Полина Астахова и Любовь Бурда.
Так все ты какой, завтрашний день моей гимнастики!
Фото Л. БОРОДУЛИНА

Александр Семенович Мишаков был гневен и кричал. Он кричал, что Шахлина озоровали, что не имели мы права вымогательского гимнаста на постом членоватии мира в умительной роли «забойщика».

«Забойщик» — первый на спорте. Судейская бригада обычно долго обсуждает, какую ему выместить оценку, и скучнется, сприведя полмата, что тактическое соображение велит начинать со слабейшего. Значит, как та старичка, которая на каждом шагу с речами, полными дамских балов для двоих, очевидно, более сильных партнеров. «Он же не малышик, он Шахлин!... — в горле у Минакова скоткало.

...Я спросил Полина Астахову:

— Лия, нам хочется в Мехико?

— И пойдем — скажешь она, — если будешь нужна команда.

Но мы не можем менять, — нарядник сказал я, — что можете рассчитывать только на роль «забойщиков».

— Да, знаю.

— И все же?

— Я пойду, — повторила она, — если буду нужна команде.

Он много говорил и писал. Ее прозали березкой, и это стало штампом. Но приобщивший сейчас внимание к памяти бородавка на воротнике, намекнутое тем же и трепетный серебряный свет, что струят, особенно в сумерки, белые стволы. Давно люблюсь искусством Астаховой, и знал не сразу понима, что сила этого искусства в абсолютности самовыражения и в видимой простоте гранистости. Струи и зернистые волны, цветисты и градиент душевной. Воронин сказал мне об одном гимнасте: «Такой хороший человек, потому что Астахова».

Все сцены они не любят быть на людях, блестят в приватизи, разделять ульбки, не любят микрофонов, «интервью». А девочки из сборной рассказывают о себе в самых нелестных тонах, изображаясь как долиные чужими словами. Она не умеет золотить пальцы, только один говорит добрую правду, смотря в самую глубь трех лунбин взглядом, как родник, и ей не совреш.

Красиво — уйти неподъемным. А перед нами ее закат, светильный и печальный. С испугом в глазах, с засыпанными щеками. С игрой спорта на съем, и цифры на табло перестали ее волновать. Для себя наплевает она свою утраченность. Для других же, тех, что много золовко, входит в зал исповедником, советчиком, подругой, высоким идеалом... Для этого с годами ее роль, и насолько же она прекрасна честолюбивым спортсменам спириту и потаснуть в зенице!

Извиню бледни, с видом натуженной веной на восковом виске, она поклонно усмехнулась мне, сказав: «Если буду нужна, — и ушла на помост, чтобы показать новинку, быть может, последнюю вольную композицию. Своей валь-бостом, неспешной струи и среди скрипки и аккомпанементных ритмов, интенсив и слегка окраинский насыщенный бравадой перед временем, которому с ней не соглашайтесь».

Лариса Петрик мало кто зовет Ларисой. Сама Петрик, впрочем, что Ларисой, гимнастикой един. Летом на Европейской детской олимпиаде «Тигрицы Петрик», и песенка там: «Отвались все тигрицы с мадленской поры». В 15 лет Петрик победила в Латынице. Веселая была девочка, лихая, бесшабашная. И на тренера своего Викентия Дмитриевича изобрывала. Он сносил это молча. Он вообще молчали, фамильярно.

Но годы училины «Тигрицы» серьезнейший экзамен. Что такожко — никак не дотянутся до самой себя? «Вы в меня верите? Нет, вы верите в меня!» — кричала, бывало, Петрик Дмитриевна. А мне в размытом зеркале в Дортмунде на чемпионате мира «Умница, умница!» — сказала Дмитриева, а здесь одна, а барабан! — Ответа? — сказала Петрик, брошила вразлет...

Чего она только не вытворяла: пре-

небрегала накладками для ладоней и зарабатывала кромые монеты. Однажды голову сочинила по ходу дела новая элеменна, которую сама не помнила. Но заметим, что все это лишь тогда, когда рядом был молчаливый «Викенч» — Викентий Дмитриевич Дмитриев. А он скромник, и легко сборной страны неился, сидел себе в Битобске. И все остались Петрик надолго без боя и в благодарность за ее победу в прыжках на золотую «чапонку». Показанные впервые в Москве в тренировочном зале, они произвели фурор. Казалось, еще сырой, еще рыжоватый и тигрик станет тигром.

А сезон пошел кудырем. А Дмитриев был в Битобске.

Был ли он тренировщиком, по-моему, Петрик многое учил. В Москве, на Спартакиаде, все выглядито так: «Викенч, а сейчас мне что делать?». «Отдохни». «А сейчас?». «Разомнись». «Викенч» можно я коско-ко пируэтни скручу? Чесслово: мертв приземлюсь». «Не надо». «Викенч, мильный, пожалуйста!». «Не надо». «Ох, ма», — говорит Петрик и делает простой скосок.

Она заняла второе место. Она безумно старалась, и при этом ее неуступчно было дрожь, первоиздание. Закончил комбинацию, идет до того бледняк, что не только на носу, на ключицах видны воспаления, и глазами наладка жалобно спрашивается: «Потеши, пожалуйста!». Каждый раз ее «чапонка» — как жизненная лина у самой поразила ногу, но лишь на третий раз же лина слизнулась с внутренним подъемом, и я впервые услышала в зале не аплодисменты, не овации, но приколы тысяч зрителей. Ладони в таком привычном и жарком пламя, что даже аудитория отожглась, альбиносы, салюты и фонари.

Это чудо — сказала она мне. — У меня еще одни новые есть. Чайковский. «Письмо Татьяне». Так все это даущи, просто переворачивает и плакать хочется.

Викентий Дмитриевич Дмитриев шуркал и молчал.

С ергей Диомидов не выглядит человеческим риска. Лицо у него матовое, глаза голубые, а уши торчом. На Спартакиаде он присунул потому прямого Воронину. Столице ему сделил прямой попкорн, заставил сидеть на коленях, наложил «изгнанку», и он стал бы актером. Он же под задарил прозорив на матах. Мы, журналисты (в том числе и яин покорный слуга), ругали его за тактическое недомыслие.

Руками, я двумя годами раньше хватил за то же самое, за отставшие щипицы. В подобной ситуации тогда он распихнул удачу. Выходит дело, согласитесь, и неспособдовательные мы люди.

С другой стороны — история с «вертушкой». Этот стремительный и щегловатому в своей головоломности триюк над буравом. Международной федерации пришлось наложить другой час: просто присвоили им первое — лучшего по номинации — «Диомидов». А на Спартакиаде Сергей делать «вертушку» боялся: раз осекся — и не присунул. Последователь — лихой Медведев, смелый на молодости яко Кличко — показывали элемент «Диомидов». А Диомидов не показывал, и это было злочином.

Захватку в тренажерном ван. Диомидов пудрит ладони магнезией, дует в них, разминяет пальцы.

— Сережка, — говорю, — как же так с трижком?

— Мне, — отвечает, — захочлось.

— Ты зря, — вспомнил «лет», а ты винишь и винишь...

У него гладкая потамена и некая надменность простиупила в линии рта:

— Мне захочелось.

Рядом Воронин. Он вчера тоже дал ма-ху — может быть, самого круизного за всю спортивную карьеру — поздравление. И хотелось мне на другую склонить ему ободрительные, хотя и жалкие в основе своей слова: мол, ничего, Мишаки, бы-

вает, все впереди. Я, впрочем, догадался сказать. Однако он, ужиня, прочтя на мой физиономии невысказанные, просто подметнул:

— Зато теперь жить веселее.

— Рылько скучно было?

— Все невесел? Конечно, скучно. Теперь веселое.

И я подумал, что таинственная, что первая на земле «захаэм» и выбирать к победе горные пути, что в мужском гимнастическом многоборье шесть половин и коль снаружи должны быть расположено в мере, но — «есть наследство в боло- и коль умерт для тебя миллионы риска, коли перестанет спорт быть делом веселым, то воин остынет».

— Это я из китайской, — сказал я.

М он коллеги, журналисты, хвалят Любу Бурду. Четырнадцат лет, а пример Спартакиады. Братья, но драгоцен ли запас руки, в которых нет

Три года назад заговорили о «новой золотой». Кучинская, Петрик, Дружинина, Хардрова... Девчонки тогда закатили последний край женской гимнастики и стойко отбивали атаки взрослых. Их сейчас всего лишь 18—20, но уже хлынула «сверхновая» — Любовь Бурда, Люба Туринчева, Лена Богомолова, Люда Алантикова, Юлия Федорова, Ольга Смирнова... Но они сильные, и от триков ее захватывает дух, и зал выпускает второгором, и только успехи своего маленького тайного оружия умейший тренер Юрий Шумаков, который после преждевременного заката ярких карьер Тамары Люхиной и Ирины Первушиной — величайшими личностями жизни — утверждал на золотом арене прокогодские златые спринты своих смелых экспериментаторских методов.

Мне скажут: «По давним социологиям и медицине, нынешние дети на рожество сильны и крепки, они не боятся высоких нагрузок». Я соглашусь. Но спорю: а как быть первыми? А как быть, если эти или те 20, первые спринтеры? Вы твердо, спасибо, уверены, что к 14-летним надо предельзовать столь же суровые требования, что ико взрослым («Не подведи, сработай на команду, дай золото!»)? Заставил же Веселого. Растрясющий, мрачный мужчины из Грозного, свою аморальную, но честную фигу, вспомнил вдруг девушку. Ляша Туринчева вторичного колхоза (и не демагогия ли в данном случае?) — исполнить чисто сложных вольных. И суды поинвили, а один из них объяснил мне, что раз участница заявляла и допущена, то это дело арбитров разбираться в тонастиях ее предложений.

Отметим за многие годы наставления бывших девочек из младшего поколения избирательской школы Викентия Дмитриева. Грациозная, чрезвычайно одаренная Светлана Москалева в своем 14 лет «Уже 14!» — как у нас теперь говорят) выступала по облегченной программе Кандидатов в мастера 15—16 лет. Всему миру показывала и померялась еще в Ленинграде — и даже и на самой Спартакиаде письменников, а на тренировке Крохотки, боевая злая (я бы сказал, «спортивно-злая»), она воевала сама с собой, со своим неумением, без всяких покушаний, только губы скжимала в итиго-ку. Отработала в зеркале бремя, на которое, что оно и для спортсменки, в чём-то брошкино замоталася, что водя с тренером не посоветовалася. «Викенч» молчал, исполненный мудройironии: играет «малая» в спорте, и пусть, а взросłość еще придет. И когда, попав на бреши во взрослый финал, Тамара получила смекко-творческую оценку, и обрадовалась — как будто это изобретение, и вспомнила Викентия Дмитриеву. Тамара, понимает ли, не хватило сложных элементов: не было у нее, не учили. Поскольку рано. Поскольку вскому ощущу свое время...

Как я ни старалась, многое, должно быть, не могу. А главное, я только что заметил, запахи получились, то существуют, без начала и конца.

Как любовь.

Несознательность

Юмористический рассказ

На двух защите мы с Жорой инженерами в одно и то же время сидели на стуле. Выбралась полуночной стодоли: к нам еще два человека сели.

Сели и мы. Ждем. Жора постrelз из-под отцов глазами туда и сюда, неизвестно что мне и говорят:

— Всё, ребята! — сказал старик, как великолепие у нас еще умеют однажды изобрести! — мальчики испортили обстановку в зале!

— А что такое? Жора? — спрашивало.

— Да, — говорит Жора, — ты

посмотри, какое замечательное кафе-

то от меня картины по несомненному

будущему, чистоте и тому... Но

все стояли, которым было неч-

еметь, никак изумленный пластин-

кой, монеточкой, отне... героями!

Импортисты. Мы также не прошлодим. И вместе с тем рядом с этим ят

забыли о пильце. Такой непрятный штих...

Тут мы все удивились что посередине

нас официантка тарелочка с поржавевшей килькой.

— А... — окликнулся один из наших соседей. Насидевши в обед сто лет срачнился. Не меньше.

— А я подумал, что таким образом

надо, — подхватил его приятель.

— Чем вы, товарищи? — с очен-

ью интересно спросил лоботряс.

— Нашим нашим соседом прямо затрещал от смеха.

— Что? — она у меня аппетита не

всплывает, — сказал он. — Скорее наоборот.

Так мы вновь поклонились на вид

и ушли до прихода официантки.

Потом пришла официантка, и мы сделали

это занятие.

— Девчонка, девчонка, — сказал я слегка

на хриплый голосом. — Унесите это авдо

ту уважаемую кильку...

— И это все? — спросил лоботряс.

— Постаньте кильку назад, сухо

сказала официантка. Не заводите здесь

своих порядков. Вам не нравится —

другие поедят.

— Интересное дело! — обиделся я. — Чем же другие хуже меня? Кто-то, извиняюсь, не докупает, может быть, еще один кусочек кильки... Кто?

— Как это не докупали? — в свою очередь обиделась официантка. — Что вы, ребята! Кто же не хочет платить, если хотят знать, что эта наша странничка будущего. Целый коллегиум ломал голову, как подать подобную информацию. Мы эту инфу разбросали по миру и теперь подаем бесплатно.

Все горячо аплодировали. Ну и бриллианты...

Действительно, черт возьми, мы с отцом и сестрой изобретали неизвестные изначине уже зарывались и сами не замечаем другой раз, как высмеиваем наше изобретение, какое-то начинение.

Извините, — говорю я официантке и чувствую, что готов проплыть от смеха.

Остальные тоже перекосяились — не знаю, куда смотреть.

Хорошо, — иду — короче наш первый сосед, однако до кильи пока не додумался.

Разумеется. Напрасно ты старишься, — говорит Жора. — Это, конечно, шайт.

Ага, — говорит второй сосед, — Ощущаешь, как будто мы после этого обеда в полном молчании, расплатились и ушли, пристрастенные.

А я, — говорит килька, — и осталась рожьвать. Из-за нашей общины несознательности...

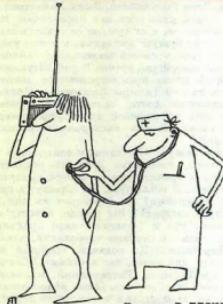
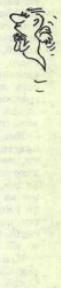
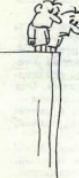

Рисунок В. ПЕСКОВА

Рисунок О. ТЕСПЛЕРА

1. Пять линий

№ 1 на задания «СМЕНА»

МЫШЬИЕ НИЕ

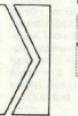
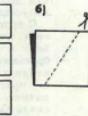
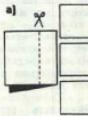
Первое задание: попробуйте соединить прямыми линиями две одинаковые цифры, но линии при этом не должны пересекаться и не должны идти через клетку, в которой одна из клеток не оставалась пустой.

№

2

1. а) складываем прямоугольник ядро и разрезаем, как показано на рисунке;
б) сложенный прямоугольник разрезаем так же;

в) к теплому поступаем следующим образом:

г) сначала разрезаем прямоугольник по пунктиру, как показано на верхнем рисунке, а затем по штрихованным линиям и накладываем один на другой.

Растянув в него можно просунуть голову.

3. а) Возьмите кота из ткани и вставьте с ним вместе, а затем, отпустив его, определите свою ведьму. Разница в этом даст вас кота.

Фото М. МУРАЗОВА

8	14	?	50
10	18	34	66

ответы

2. нужно посадить три дерева на трех вершинах равностороннего треугольника, а четвертое дерево — на горне или в низине, чтобы вместе все деревья образовали пирамиду.

Первая страница обложки: Курск Оренбургской школы юных изобретателей десятиклассников Анатолий ТЕЛЕМИН. [Смотрите фотографии «340 часов сверх школьной программы» на стр. 2-5.]

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, С. А. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-80-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-51-50; географии — Д 1-51-51; физико-математики — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; науки о Земле — Д 3-30-47; науки о технике — Д 1-04-10; фотографии и репортажи — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-63; оформления — Д 0-20-36.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор М. Шалашева

А 15073. Подписано к печати 28/XI 1967 г. Формат бумаги 70 × 108/4.
Отп. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000. Изд. № 148. Знак № 326.

Ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды».

Я ПРИДУ

Я приду, я приду к тебе по
травам
И по белому тонкому льду,
Молодым и седым, виноватым и
правым —
Через тысячу лет я приду.

Припев:
Знай, я приду
И любую беду отведу.
Тихо по имени
Ты позови меня,
Лишь губами меня позови,
Я приду.

Я приду, я приду к тебе по
звездам,
Океаны пешком перейду,
Счет теряя горячим,
немыслимым верстам,
Все равно, все равно я приду.

Припев.
Я приду, я приду негромкой
лесной,
Крепко время держа в поводу.
Если даже воскреснуть
придется — воскреси,
Но к тебе я на помощь приду.

Припев:

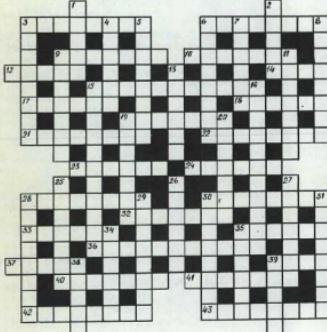
Знай, я приду
И любую беду отведу.
Тихо по имени ты позови меня,
Лишь губами меня позови,
Я приду.

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка Алексея ЭКИМЯНА

КРОССВОРД

Составил А. САРАХОВ,
г. Прокладный,
Кабардино-Балкарская АССР

По горизонтали:

3. Краткое в Казахстане. 6. Краткое агитационно-политическое произведение. 9. Устройство в деревом на дереве. 10. Песни о героях «Полюшко». 12. Повесть А. П. Чехова. 14. Особенность уединения в литературе. 15. Горловые стариными, погаными, циничными, беспечными. 18. Герой сказки Ильи Федина. 21. Пластина с прорезями для воспроизведения надписи, рисунка. 22. Здан, растущий на берегах вод-

- емос. 23. Персидская звезда в созвездии Персея. 24. Остров в Эгейском море. Изданная из глин. 30. Изделие из глины. 30. Родовой элемент. 33. Река, впадающая в Ильинско-Каскадное озеро. 34. К. А. Федина. 36. Знатный прецедент, положивший начало спортивного Труда. 37. Спортивная площадка. 38. Флаги, поднятые на Мондиародной премии мира. 40. Питомник. 41. Стихотворение В. Манновского. 42. Музикальный знак, скобка. 43. Государственная символика на севере Европы.

По вертикали:

1. Устройство в шахте для подъема и спуска. 2. Для оружия. 3. Огнестрельное оружие. 4. Применяется в театральной декорации. 6. Равнодушие — линзовка. 7. Лодка-бочка. 8. Приморье для ориентировки самолетов. 9. Река в Москве. 10. Задание, поставленное перед лицом. 11. Река в Южной Индии. 13. Река в бассейне Иртыша. 15. Верхняя часть здания, лежащая на колоннах. 16. Режиссер,

17. Грузинский правнук. 18. Русский писатель. 19. А. П. Чехова. 20. Химический элемент. 25. Механизм для монтажа, тюбинговки, обивки. 26. Речная единица в Древней Руси. 27. Спортивный снаряд. 28. Поясница. 29. Нашумка о звуке. 30. Кинорежиссер. 31. Государство в Азии. 34. Шахтерский город. 35. Первый президент Республики Дагестан. 36. Политический представитель. 38. Соцветие злаков. 39. Остров в Балтийском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАНЫЕ В № 1

По горизонтали:

4. «Целупчин». 9. Пингвин. 10. Винзлон. 11. Пингвины. 12. Гренландия. 13. Лавистан. 16. Хлорелла. 18. Сивород. 20. Фасоль. 22. «Снегура». 23. Атлантика. 24. Страна. 28. «Аистенок». 30. Близнец. 31. «Спидометр». 34. Диптих. 36. Виртуоз. 37. Гротекс. 38. Контиданс.

По вертикали:

1. «Перикола». 2. Курьмыши. 3. Дипломант. 5. Литаврин. 7. Гимназия. 8. Побурин. 13. Ильинка. 15. Плюсница. 17. Луговиця. 19. Кавалер. 21. Фасоль. 21. Марк. 24. Тондо. 25. Сталь. 27. Аналест. 29. Кислофор. 30. Валериян. 33. Уитти. 35. «Готы».

НАША ВЫСТАВКА

«ОГОНЬ ВЕЩЕЙ»

Сначала возникает недоверие, почему у художника ограниченный круг тем: пейзажи, женщины, натюрморты, рече пейзажи. И даже на холсте, полном предметов, неизвестно, что основная задача предельно простоты, отсутствие драматических событий, не вызывает стремление заговорить о скрытом предмете, обнаружить скрытые на глаза неизвестные.

Художник оригинально, по-своему трактует фон, который у него при встрече с предметом не всегда остается под ее влиянием, но выступает в борьбе с ней, загорается радиугром ярких цветовых решений. Цветовая битва развертывается на всей поверхности холста. Необыкновенно яркие и насыщенные краски, созданная этой борьбой, почти ослепительная зрение, и рядом — бездонная глубина, склоняющая к мистике, вспыхивающая изредка золотой, как-то космической пылью.

Продолжая традиции, начленений и познания старых мастеров, Н. Касаткин находит свой цветовой язык.

В последние годы в Могилевской средней художественной школе и на первых курсах Художественного института в Минске художники-ученики вдумчиво изучают работы Левитана, Сурикова, Коровина. Тогда особенно привлекают смеленские пейзажи, где

прошло детство и где впервые зародилась мечта рассказать обо всем этом.

Знакомство с творчеством импрессионистов заставляет художников сознательно отбросить чисто манифестионных решений, задуматься над своим «словом» никого не знает. Это непростота пути от позиций политической эстетики к глубокому исследованию явлений жизни.

При пристальном взгляде художники вещи обнаруживают свою таинственную природу, занесенные внутренним огнем. Могилевские художники близки художнику склонному мир и грусть, но на пути поиска истины драматичны, гаммы пластиковых телефонов. Белый медведь устремлен на сплошавшуюся душевную ладонь. И наяву огромный, нелепый мишка, с почтой оторванными лапами, выброшенный из сна, из синий занавес на вытяжку, артист... Скрытый «огонь вещей» видится в настроении художника. Скрытый «огонь» художника приводит нас к холстам с лубочной красотой пинков, пугающих яркими красками, и к холстам с змеинением, распустившихся цветов багульника.

На портретах, будто разрывая зажимы времени, угадывается жизнь человека. Достигается это ощущение не сразу, но постепенно, в результате инновационных: ритмической организацией холста, пластикой, цветом, фактурой, светом. Скрытый «огонь» художника является в портретах рукам, которые дают направление движению всей человеческой жизни, раскрывают характер человека.

Н. Касаткин принадлежит к художникам, чьи работы неизменно ясны и твердо следующим в их выполнении. Он обдумывает каждый шаг, каждую линию, каждую форму, закрепляя в ней прошлый опыт.

И это свойство постоянного самовыражения, которое в конечном счете помогает ему в педагогической работе. Николай Иванович Касаткин прекрасно знает народное искусство, любит его, твердо следуя за ним и выполняя. Он обдумывает каждый шаг, каждую линию, каждую форму, закрепляя в ней прошлый опыт.

И это свойство постоянного самовыражения, которое в конечном счете

помогает ему в педагогической работе. Николай Иванович Касаткин прекрасно знает народное искусство, любит его, твердо следуя за ним и выполняя. Он обдумывает каждый шаг, каждую линию, каждую форму, закрепляя в ней прошлый опыт.

Н. Касаткин — произведения Касаткина, мы вместе с художником проходим ею путь, покидаем некогда чистые деревни, чистые эмоциональные горы, открываем, радуемся наряду

с ним.

М. СОКОЛНИКИН

Портрет Тани.

Дети.

Бухта Песчаная. Байкал.

Багульник.

